

Астрология и религия у греков и римлян

Франц Кумон

Astrology and Religion Among the Greeks and Romans

Franz Cumont
[1912]

Kindle Edition published by Evinity Publishing Inc, 2009.

Астрология и религия у греков и римлян

автор : Франц Кумон

Американские лекции по истории религий, серия 1911-1912 гг.

Нью-Йорк и Лондон, сыновья Дж. П. Патнэма

[1912]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью этих лекций, прочитанных под эгидой Американского комитета лекций по истории религий, является подведение итогов исследований, проводимых мной в течение многих лет в области древней астрологии и астральной религии. Что касается некоторых фактов, изложенных здесь в кратком виде, я могу отослать читателя, заинтересованного деталями, к ряду специальных статей, опубликованных в различных периодических изданиях; доказательства других утверждений будут приведены в более обширной работе, которую я надеюсь когда-нибудь опубликовать на ту же общую тему.

Я искренне признателен мистеру Дж. Б. Бейкеру из Оксфорда, который столь удовлетворительно выполнил задачу перевода этих лекций; и я также в большом долгу перед моим другом, мистером Дж. Г. К. Андерсоном из Крайст-Черч, который был достаточно любезен, чтобы взяться за доработку рукописи. Я также обязан внести некоторые ценные исправления проф. Моррис Джастроу-младший из Пенсильванского университета, который, как секретарь Американского комитета, можно сказать, положил начало этой книге и которому я с удовольствием посвящаю этот том в знак признания его собственных исследований в родственной области вавилонско-ассирийской астрологии.

FRANZ CUMONT

Брюссель,
январь 1912 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Американские лекции по истории религий читаются под эгидой Американского комитета лекций по истории религий. Этот Комитет был организован в 1892 году с целью проведения "популярных курсов по истории религий, несколько напоминающих лекции Хибберта в Англии, которые читали лучшие ученые Европы и нашей страны в различных городах, таких как Балтимор, Бостон, Бруклин, Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия и другие".

Условия объединения, на которых существует Комитет, следующие:

1. Целью этой Ассоциации является проведение курсов лекций по истории религий, которые будут прочитаны в различных городах.
2. Ассоциация должна состоять из делегатов от учреждений, согласившихся сотрудничать, с такими дополнительными членами, которые могут быть выбраны этими делегатами.
3. Эти делегаты - по одному от каждого учреждения, с выбранными дополнительными членами - образуют Совет под названием "Американский комитет лекций по истории религий".
4. Совет избирает из своего числа Председателя, секретаря и казначея.
5. Все вопросы, касающиеся местных деталей, должны быть оставлены на усмотрение сотрудничающего учреждения, под эгидой которого будут читаться лекции.
6. Курс лекций о какой-либо религии или фазе религии с исторической точки зрения или по предмету, имеющему отношение к изучению религий, должен читаться ежегодно или с такими интервалами, которые могут быть сочтены практически возможными, в различных городах, представленных этой Ассоциацией.
7. Совету (а) поручено подбирать лекторов, (b) распоряжаться финансовыми средствами, (с) назначать время для лекций в каждом городе и выполнять такие другие функции, которые могут оказаться необходимыми.
- 8.- Полемические темы, а также полемика в обращении с предметами должны быть категорически исключены.
9. Лекции будут прочитаны в различных городах в период с сентября по июнь.
10. Авторские права на лекции принадлежат Ассоциации.
11. Размер вознаграждения преподавателя устанавливается Советом в каждом конкретном случае.
- 12.-Оплата преподавателю производится частями после каждого курса, пока он не получит половину всей компенсации. Из оставшейся половины половина выплачивается ему по получении рукописи, должным образом подготовленной к печати, а вторая половина - при публикации тома, за вычетом исправлений, внесенных автором в корректуры.

В нынешнем составе Комитет выглядит следующим образом:

Проф. Кроуфорд Х. Той, председатель, ул. Лоуэлл, 7, Кембридж, Массачусетс; преподобный доктор Джон П. Питерс, казначей, ул. W. 99th, 227, Нью-Йорк; проф. Моррис Джастроу-младший, секретарь, 248 S. 23rd St., Филадельфия, Пенсильвания; Президент Фрэнсис Браун, Юнион теологическая семинария, Нью-Йорк; проф. Ричард Готтейл, Колумбийский университет, Нью-Йорк; проф. Роберт Ф. Харпер, Чикагский университет, Чикаго, Иллинойс; проф. Пол Хаупт, Университет Джона Хопкинса, Балтимор, доктор медицинских наук; проф. Ф. В. Хупер, Бруклинский институт искусств и наук; проф. Э. В. Хопкинс, Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут; проф. Эдвард Нокс Митчелл, Хартфордская теологическая семинария, Хартфорд, Коннектикут; Президент Ф. К. Сандерс, колледж Уошберн, Топика, Канзас; профессор Х. П. Смит, Медвиллская теологическая семинария, Медвилль, Пенсильвания.

Лекторы курса американских лекций по истории религий и названия их томов следующие:

1894-1895 - Профессор Т. У. Рис-Дэвидс, доктор философии-Буддизм.

1896-1897 -профессор. Дэниел Г. Бринтон, доктор медицины, доктор права. - Религии первобытных народов.

1897-1898 - Преподобный проф. Т. К. Чейн, доктор философии еврейской религиозной жизни после изгнания.

1898-1899 -профессор. Карл Будде, доктор философии - Религия Израиля в изгнании.

1904-1905 -профессор. Джордж Стейндорф, доктор философии. - Религия древних египтян.

1905-1906 гг. -профессор. Джордж В. Нокс, доктор философии, LL.D.-Развитие религии в Японии.

1906-1907 -профессор. Морис Блумфилд, доктор философии, доктор права. -Религия Вед.

1907-1908 - Профессор А. В. У. Джексон, доктор философии, доктор права. - Религия Персии. 1

1909-1910 - проф. Моррис Джастроу-младший, доктор философии - Аспекты религиозных верований и практики в Вавилонии и Ассирии.

1910-1911 - Профессор Дж. Дж. М. ДеГрут.--Развитие религии в Китае.

Лектором в 1911-1912 годах был профессор. Франц Кумон из Брюсселя, признанный ведущим авторитетом в греческой астрологии и митраизме. С 1892 года до своей отставки в 1910 году профессор. Кумон занимал кафедру римских институтов в Университете Гента. С 1899 года он был хранителем Королевских музеев древностей в Брюсселе. Профессор Великая работа Кумона о культе Митры была опубликована в 1894-1900 годах и является стандартной работой по этому предмету. За этим последовало краткое изложение "Les Mystères de Mithra", английский перевод которого под названием "Тайны Митры" был опубликован в 1903 году. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс на тему "Восточные религии и язычество Романа" (Париж, 1907; 2-е изд. 1910), также появился в английском наряде (Oriental Religions in Roman Paganism. Чикаго, 1911).

В 1900 и снова в 1907 году проф. Кумон проводил археологические исследования в Малой Азии и Северной Сирии, результаты которых были отражены в его "Понтийской студии" (Брюссель, 1906) и в сборнике греческих и латинских надписей, опубликованном в 1911 году.

В 1898 году в сотрудничестве с несколькими учеными М. Кумон составил каталог с подробными описаниями и обильными выдержками всех греческих астрологических кодексов (Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum), монументальный труд которого к настоящему времени насчитывает десять томов. Библиография проф. Труды Кумона, включая многочисленные статьи, опубликованные им в археологических, исторических и философских журналах различных стран, были опубликованы в 1908 году Королевской академией Бельгии, членом которой М. Кумон является с 1902 года. Он также является членом-корреспондентом Института Франции и академий Берлина, Геттингена и Мюнхена.

В лекции содержится в этой книге кратко, в популярной форме обширных исследований на проф. Cumont в течение многих лет. Они были поставлены перед следующим учреждений: Институт Лоуэлла, Хартфордская теологическая семинария, Университет Джона Хопкинса, Пенсильванский университет, Чикагский университет, Бруклинский институт искусств и наук, Медвиллская теологическая семинария и Колумбийский университет.

ДЖОН П. ПИТЕРС,
К. Х. Той,
Комитет по публикации

Декабрь 1911 г.

Введение

Эк тун ойраниун та эпигея эртетай ката тина физикен сочувствующий.

PHILO, De Opificio Mundi, с. 40.

После длительного периода дискредитации и пренебрежения астрология начинает снова привлекать к себе внимание ученого мира. В течение последних нескольких лет ученые посвятили этому глубокие исследования и обстоятельные публикации. Греческие рукописи, которые оставались закрытой книгой в то время, когда поиски неопубликованных документов были в моде, теперь были тщательно изучены, и богатство этой литературы превзошло все ожидания. С другой стороны, расшифровка клинописных табличек открыла доступ к истокам ученого суеверия, которое вплоть до наших дней имело над Азией и Европой более широкое влияние, чем когда-либо достигала какая-либо религия. Поэтому я надеюсь, что не проявлю чрезмерной самонадеянности, осмелившись заявить о вашем интересе к этой ошибочной вере, столь долго общепринятой, которая оказала бесконечное влияние на верования и идеи самых разных народов и которая именно по этой причине обязательно требует внимания историков.

По прошествии тысячи лет могущество астрологии пошатнулось, когда благодаря Копернику, Кеплеру и Галилею прогресс астрономии опроверг ложную гипотезу, на которой зиждилась вся ее структура, а именно геоцентрическую систему Вселенной. Тот факт, что земля вращается в космосе, нарушил сложную игру планетарных влияний, и безмолвные звезды, низведенные в непостижимые глубины неба, больше не позволяли человечеству слышать их пророческие голоса. Небесная механика и спектральный анализ в конце концов лишили их таинственного престижа. С тех пор в этой ученой системе предсказаний, которая утверждала, что открывает по звездам тайну нашей судьбы, люди не видели ничего, кроме самой чудовищной из всех химер, порожденных суеверием. Под влиянием разума восемнадцатый и девятнадцатый века осудили эту ересь во имя научной ортодоксии. В 1824 году Летронн счел необходимым извиниться за беседу с Академией надписей об "абсурдных снах", в которых он видел "не что иное, как один из тех недостатков, которые больше всего позорят человеческий разум", ¹ - как будто неудачи человека не часто были более поучительными, чем его победы.

Но в конце девятнадцатого века развитие истории с разных сторон привлекло внимание исследователей к древней астрологии. Это точная наука, которая была наложена на первобытные верования, и когда классическая филология, расширив свой горизонт, полностью охватила своим наблюдением развитие наук в древности, она не могла оставить в стороне отрасль знания, незаконную, я допускаю, но неразрывно связанную не только с астрономией и метеорологией, но также с медициной, ботаникой, этнографией и физикой. Если мы вернемся к самым ранним стадиям всякого рода обучения, вплоть до александрийского и даже вавилонского периода, мы почти везде обнаружим беспокоящее влияние этой астральной "математики". Это молодое деревце, выросшее среди густых сорняков рядом с деревом познания, произошло от того же самого побега и переплелось с ним своими ветвями.

Но астрология не только незаменима для ученого, желающего проследить кропотливый прогресс разума в поисках истины по его удвоениям и поворотам, что, возможно, является высшей миссией истории; она также выиграла от интереса, который был пробужден ко всем проявлениям иррационального. Эта псевдонаука на самом деле является вероучением. Под ледяной коркой холодной и жесткой догмы текут мутные воды нагромождения культов, восходящих к необъятной древности; и как только запрос был направлен к религиям прошлого, его привлекло это доктринальное суеверие, возможно, самое удивительное из когда-либо существовавших. В ходе исследований было установлено, как, установив безраздельное господство в Вавилонии, оно подчинило себе культы Сирии и Египта, а при Империи, - не говоря уже о Западе, - преобразовало даже древнее язычество Греции и Рима.

Однако астрология навязывает себя размышлениям историка религий не только потому, что она сочетается с научными теориями, и не потому, что она входит в преподавание языческих мистерий, но и ради нее самой (и здесь мы касаемся сути проблемы), потому что он обязан выяснить, как и почему этот союз, который на первый взгляд кажется чудовищным, образовался между математикой и суеверием. Считать это просто психическим заболеванием - это не объяснение. Даже тогда, по правде говоря, эта галлюцинация, самая стойкая из когда-либо преследовавших человеческий мозг, все равно заслуживала бы изучения. Если психология сегодня добросовестно занимается расстройствами памяти и воли, она не может не интересоваться недугами способности верить, и специалисты по невменяемости проделают полезную работу, имея дело с этим видом болезненных проявлений с целью установления их этиологии и отслеживания течения. Как могла эта абсурдная доктрина возникнуть, развиваться, распространяться и навязывать себя высшим интеллектам столетие за столетием? Вот, во всей своей простоте, историческая проблема, которая стоит перед нами.

На самом деле рост этой совокупности догм шел, я думаю, не идентичным, а параллельным курсом некоторых других теологий. Его отправной точкой была вера, вера в определенные звездные божества, которые оказывали влияние на мир. Затем люди попытались постичь природу этого влияния: они верили, что оно подчиняется определенным неизменным законам, поскольку наблюдения выявили тот факт, что небеса оживляются регулярными движениями, и они считали себя способными определять его последствия в будущем с такой же уверенностью, как грядущие вращения и соединения звезд. Наконец, когда из этого двоякого убеждения развился ряд теорий, их первоначальный источник был забыт или игнорировался. Старая вера стала наукой; ее постулаты были возведены в принципы, которые были оправданы физическими и моральными причинами, и делалось вид, что они опираются на экспериментальные данные, накопленные в результате длительного ряда наблюдений. В результате обычного процесса,

после уверования, люди изобрели причины для веры - "fides quaerens intellectum", - и интеллект, работающий над верой, свел ее к формуле, логическая последовательность которой скрывала радикальную ошибочность.

Есть что-то трагическое в этой непрестанной попытке человека проникнуть в тайны будущего, в этой упорной борьбе его способностей за то, чтобы ухватиться за знание, которое ускользает от его исследования, и удовлетворить свое ненасытное желание предвидеть свою судьбу. Рождение и эволюция астрологии, этой отчаянной ошибки, на которую были потрачены интеллектуальные силы бесчисленных поколений, кажется самым горьким из разочарований. Устанавливая неизменный характер небесных вращений, халдеи воображали, что они поняли механизм Вселенной и открыли действительные законы жизни. Древние верования во влияние звезд на землю были сосредоточены в догмах абсолютной жесткости. Но этим догмам часто противоречил опыт, который должен был их подтвердить. Затем, не смея сомневаться в принципах, на которых основывалась вся их концепция мира, эти прорицатели-логики попытались скорректировать свои теории. Не в силах заставить себя отрицать влияние божественных звезд на дела этого мира, они изобрели новые методы для лучшего определения этого влияния, они усложнили не относящимися к делу данными проблему, решение которой оказалось ложным, и, таким образом, в течение веков мало-помалу накопилось чудовищное собрание сложных и часто противоречивых доктрин, которые ставят в тупик разум и чья дерзкая необоснованность будет оставаться постоянным предметом удивления. Мы были бы сбиты с толку зрелищем того, как человеческий разум так долго блуждает в лабиринте этих ошибок, если бы не знали, как медицина, физика и химия медленно нащупывали свой путь, прежде чем стать экспериментальными науками, и каких длительных усилий им пришлось приложить, чтобы освободиться от цепкой хватки старых суеверий.

Таким образом, различные причины привлекли внимание ученых к этим старым трудам греческих астрологов, которыми так долго пренебрегали. Они принялись за работу по перечитыванию и переизданию этих отталкивающего вида книг, которые не переиздавались с шестнадцатого века. Последнее издание - и шокирующе плохое - Тетрабиблоса Птолемея датировано 1581 годом. Кроме того, ряд неизвестных авторов вышли из безвестности, множество рукописей, разлагавшихся в гробницах библиотек, были возвращены к жизни. ¹

Выгода, которую можно извлечь из них, не ограничивается наукой, которой они занимаются, и смежными областями, в которые астрология более или менее проникла. Их полезность гораздо более разнообразна и носит общий характер, и было бы трудно полностью описать их многообразное применение. ²

Я не буду останавливаться на том интересе, который представляет для ученого серия текстов, охватывающих более пятнадцати столетий, от александрийского периода до эпохи Возрождения. Также, опять же, я не буду пытаться оценить значение, на которое могла бы претендовать в политической сфере доктрина, которая часто направляла волю королей и определяла их предприятия. Я также не могу доказать здесь примерами, как распространение астрологических доктрин выявляет неожиданные отношения между древнейшими цивилизациями и ведет того, кто проследживает это от Александрии и Вавилона до Индии, Китая и Японии, снова возвращая его с Дальнего Востока на Дальний Запад.

Невозможно рассматривать все сразу так много вопросов, представляющих такой разнообразный интерес. Мы должны проявлять сдержанность и ограничиваться одним

взглядом на предмет. Наша цель в этом курсе лекций будет ограничена показом того, как восточная астрология и звездопоклонничество трансформировали верования греко-латинского мира, какова была в разные периоды постоянно возрастающая сила их влияния и какими средствами они установили на Западе звездный культ, который был высшей фазой древнего язычества. В греческом антропоморфизме олимпийцы были всего лишь идеализированным отражением различных человеческих личностей. Римский формализм превратил поклонение национальным богам в выражение патриотизма, строго регулируемого папским и гражданским законодательством. Вавилон был первым, кто воздвиг здание космической религии, основанной на науке, которая привнесла человеческую деятельность и человеческие отношения с астральными божествами в общую гармонию организованной природы. Это ученое богословие, включив в свои рассуждения весь мир, должно было устранить более узкие формы веры и, изменив характер древнего идолопоклонства, во многих отношениях подготовить приход христианства.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ [vii](#)

ОБЪЯВЛЕНИЕ [ix](#)

ВВЕДЕНИЕ [xiii](#)

ЛЕКЦИЯ I. ХАЛДЕИ [3](#)

"Панвавилонисты", [3](#) - Фундаментальная ошибка их теорий, [4](#)- Астральная религия подразумевает научные идеи, разработанные в конце, а не в начале вавилонской цивилизации, [4](#)- Очерк истории халдейской астрономии, [6](#) - Ее открытия во втором веке до нашей эры, [9](#)- Ее влияние на религию, [10](#)- Развитие астральной теологии, [13](#)- Халдейское вероучение в александрийский период, [17](#).

ЛЕКЦИЯ II. ВАВИЛОН И ГРЕЦИЯ [22](#)

Звездная религия, изначально чуждая грекам, [22](#)-Антропоморфизм, противопоставленный культу небесных тел, [23](#)-Греческие философы как защитники поклонения звездам, [23](#)- Практические мотивы и теоретические обоснования, [24](#)- Доказанное влияние восточных религий, [24](#)-платоновский Эпиномис, [28](#)-Греки сначала отвергли астрологию, [30](#)- Перемены наступают после дней Александра Македонского, [32](#)-Взаимопроникновение греческих и Халдейская наука, [32](#)-Берос, [33](#)-Посредник Кидены между Гиппархом и халдеями, [36](#)-Селевк Селевкийский и научный рационализм, [39](#)-Стоицизм как примиритель звездопоклонничества и философии, [39](#)-Конец вавилонских школ, [41](#).

ЛЕКЦИЯ III. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ЗАПАДЕ [42](#)

Сила астрологии, 42- Вавилония и Египет, 42- Астрология, неизвестная в Египте до VI века до н.э., 43-Петосирис и Нечепсо (около 150 г. до н.э.) 43-Герметические книги, 44-Сирия, 44-Израиль и астрология, 45- Трансформация семитского язычества, 45-Халдаизм и эллинизм в империи Селевкидов, 46- Восточный стоицизм и Посидоний Апамейский, 47 - Его влияние на римскую мысль, 48-Астрономика Манилия, 48 Неопифагорейцы, 49 Литературная и популярная пропаганда, 50-Восточные мистерии, 50- Преданность императоров культу Солнца, 54-Дом Севери, 54- Официальный культ Непобедимого Солнца, основанный Аврелианом (274 г. н.э.), 55- Солнечная династия четвертого века, 55-Заключение, 56.

ЛЕКЦИЯ IV. ТЕОЛОГИЯ 57

Созерцание небес, 57-Божественность небесных тел, 57- Качества астральных богов: (а) Вечность, 58-Поклонение Времени и его подразделениям, 60-Священные числа, 62-(б) Универсальность и всемогущество, 63 - Поклонение Небу и созвездиям, 64- Поклонение растениям и стихиям, 66- Руководящая сила космического организма, 68- Солнце как источник энергии. высший бог, 69- Развитие солнечной теологии, 70-Трансформация язычества, 75.

ЛЕКЦИЯ V. АСТРАЛЬНЫЙ МИСТИЦИЗМ. ЭТИКА И КУЛЬТ 77

Мистический элемент в астральной религии, 77- Впечатление рая от древних и современных: космические эмоции, 78- Общение души человека с небесными телами, 79-Мистицизм как доступ к знаниям небесных богов, 80-Контраст с дионисийским экстазом, 81-Этические последствия мистицизма, 82-Противопоставление неба и земли, души и тела, 83- Интенсивность интеллектуальных радостей, 83-Аскетизм, 84-Фатализм как разрушающий мораль и культ, 84-Астрология остается религиозной: подчинение судьбе как источнику морали, 85- Оправдана необходимость позитивного поклонения, 87-Поклонение Солнцу, 89- Natalis Invicti, 89-Поклонение планетам, 90-Неделя, 90-Влияние астрологии на язык, 91.

ЛЕКЦИЯ VI. ЭСХАТОЛОГИЯ 92

Астральный мистицизм как подготовка к будущей жизни, 92-Основные доктрины, 92- Астральная эсхатология в Греции, 95-Развитие в римском мире, 98- (а) Кто обретает бессмертие? Короли и государственные деятели, 99 - Солдаты и священники, 99 - Все благочестивые и чистые люди, 100 - (б) Как души поднимались к звездам? Древние средства, 101- Магические процессы, 102 - Теория солнечного притяжения, 103-Природа души, 103- Вознесение через стихии, 104-Мифологические верования, 106- Бог как предводитель благочестивых душ, 106- (с) Где находится обитель блаженных? Неопределенность популярных взглядов, 107- Солнечное бессмертие, 108- Вознесение через планетарные сферы, 108- Противостояние подземному аду, 108 - (d) Какое блаженство уготовано избранным? Небесный пир, 109 - Созерцание звезд, 109- Души обретают полное знание о Боге и мире, 110.

MAURITIO JASTROW
BABYLONIORUM
ASTROLOGIAE
INTERPRETI SAGACISSIMO

Астрология и религия у греков и римлян

ЛЕКЦИЯ I. Халдеи

В период Французской революции гражданин Дюпюи в трех объемистых томах "О происхождении всех форм богослужения" (1794) развил идею о том, что первичным источником религии является зрелище небесных явлений и установление их соответствия земным событиям, и он попытался показать, что мифы всех народов и всех времен были не чем иным, как набором астрономических комбинаций. Согласно ему, египтяне, которым он отводил первостепенное место среди "изобретателей религий", примерно за двенадцать или пятнадцать тысяч лет до нашей эры придумали разделение эклиптики на двенадцать созвездий, соответствующих двенадцати месяцам; и когда экспедиция Бонапарта обнаружила в храмах долины Нила, особенно в Дендере, некоторые зодиаки, которым приписывалась баснословная древность, эти необычные теории, казалось, получили неожиданное подтверждение. Но смелая мифологическая ткань, воздвигнутая на небесах ученым Революции, развалилась на куски, когда Летронн доказал, что зодиак Дендеры датируется не эпохой, предшествующей самому древнему из известных фараонов, а эпохой римских императоров.

Наука в своих циклах гипотез склонна повторяться. Недавно была предпринята попытка восстановить в пользу фантазий Дюпюи, обновив их с большей эрудицией. Только родину "астральной мифологии" следует искать не на берегах Нила, а на берегах Евфрата.

"Панвавилонисты", как их называли, утверждают, что

За литературой и культами Вавилона и Ассирии, за легендами и мифами, за Пантеоном и религиозными верованиями, даже за писаниями, которые кажутся чисто историческими, скрывается астральная концепция вселенной и ее явлений, влияющая на все мысли, все верования, все практики и проникающая даже в область чисто светской интеллектуальной деятельности, включая все отрасли науки, культивируемые в древности. Согласно этой астральной концепции, великие боги отождествлялись с планетами, а малые - с неподвижными звездами. Была разработана схема соответствий между небесными явлениями и событиями на земле. Постоянно меняющийся вид небес указывает на непрерывную деятельность богов, и поскольку все, что происходило на земле, было заслугой божественных сил, эта деятельность представляла собой подготовку к земным явлениям, и в особенности к тем, которые влияли на судьбы человечества Далее утверждается, что астрально-мифологический культ древней Вавилонии стал преобладающим мировоззрением древнего Востока, и что, обратимся ли мы к Египту или Палестине, к хеттским районам или к Аравии, мы обнаружим, что эти различные культуры находятся под влиянием этой концепции.

Это дает ключ к толкованию как Гомера, так и Библии. ¹ В частности, весь Ветхий Завет следует объяснять серией звездных мифов. Патриархи являются "персонализациями солнца или луны",

а традиции Священных Книг представляют собой "вариации определенных "мотивов", чье истинное значение можно обнаружить только тогда, когда они переносятся на явления на небесах".

Таково совершенно беспристрастное изложение теорий, исповедуемых сторонниками альтернативного мировоззрения. Я заимствую это, с небольшим сокращением, из выступления Морриса Джастроу-младшего на Оксфордском конгрессе в 1908 году. [2](#) Сейчас в этой системе можно сказать, что то, что в нем истинно, не ново, а то, что ново, не является истинным. То, что Вавилон был матерью астрономии, звездопоклонничества и астрологии, что оттуда эти науки и эти верования распространились по всему миру, - это факт, уже рассказанный нам древними, и курс этих лекций ясно докажет это. Но ошибка панвавилонистов, чьи широкие обобщения опираются на самую узкую и непрочную базу, заключается в том факте, что они перенесли на туманные концепции "истоков истории", которые были разработаны не в начале, а в самом конце вавилонской цивилизации. Эта обширная теология, основанная на наблюдении за звездами, которая, как предполагается, была создана за тысячи лет до нашей эры, - более того, до Троянской войны, - и которая навязалась всем все еще варварским народам как выражение таинственной мудрости, не могла существовать в тот отдаленный период по той простой причине, что данные, на которых она могла бы быть основана, были еще неизвестны.

Как часто, например, теория прецессии равноденствий использовалась в религиозной космологии Востока! Но что станет со всеми этими символическими объяснениями, если будет установлен факт, что жители Востока никогда не подозревали об этой знаменитой прецессии до того, как ее открыл гений Гиппарха? [1](#) Точно так же, как мечты Дюпюи исчезли, когда была установлена дата египетских зодиаков, так и вавилонский мираж был развеян, когда ученые методично продвигались по пустыне клинописных надписей и определили дату, когда астрономия начала формироваться как точная наука в обсерваториях Месопотамии. Это новое заблуждение уйдет в царство грез, чтобы присоединиться к идее, столь дорогой поэтам древности, о халдейских пастухах, открывающих причины затмений, наблюдая за своими стадами.

Когда нам придется установить, в какой период восточное звездопоклонничество привело к трансформации сирийского и греческого язычества, мы не сочтем нужным погружаться во мрак древнейших времен; мы сможем изучить факты в полном свете истории. "Астральная теория вселенной - это не плод популярной мысли, а результат длительного процесса спекулятивных рассуждений, проводимых в ограниченных ученых кругах. Даже астрология, которую теория предполагает в качестве основы, не является продуктом примитивных популярных фантазий, а скорее передовой научной гипотезой". [2](#) Таким образом, в этой первой лекции мы должны начать с вопроса о том, в какое время в Вавилоне были развиты научная астрономия и астрология, а затем перейти к рассмотрению того, как они привели к формированию ученой теологии и придали вавилонской религии ее окончательный характер.

Давайте проконсультируемся с историками астрономии. Оригинальные документы халдейской эрудиции были расшифрованы и опубликованы в течение последних двадцати лет главным

образом усилиями Штрассмайера и Куглера,¹ и сегодня мы можем в некоторой степени осознать, какими знаниями обладали вавилоняне в разные периоды.

Итак, вот одно из первых открытий, чреватых последствиями: до восьмого века никакая научная астрономия была невозможна из-за отсутствия одного необходимого условия, а именно, владения точной системой хронологии. Старый календарь, уже использовавшийся примерно в 2500 году, а возможно, и раньше, состоял из двенадцати лунных месяцев. Но поскольку двенадцать лунных периодов составляют всего 354 дня, время от времени вставлялся тринадцатый месяц, чтобы привести дату, в которую праздники повторялись каждый год, в соответствие с временами года. Лишь мало-помалу была достигнута большая точность путем наблюдения за тем, в какие даты происходило спиральное восхождение некоторых неподвижных звезд. Столь неточный расчет времени не допускал никаких точных вычислений и, следовательно, никакой астрономии, достойной этого названия. Фактически, в течение первых двадцати или тридцати веков истории Месопотамии не было обнаружено ничего, кроме эмпирических наблюдений, предназначенных главным образом для обозначения предзнаменований, и рудиментарные знания, которые демонстрируют эти наблюдения, едва ли превосходят знания египтян, китайцев или ацтеков. Эти ранние наблюдатели могли использовать только такие методы, которые не требовали регистрации периодических явлений. Например, определение четырех сторон света с помощью восхода и захода солнца для использования при ориентации храмов было известно с самой ранней древности.

Но постепенно прямое наблюдение за небесными явлениями, предназначенное либо для того, чтобы прорицатели могли делать предсказания, либо для корректировки календаря, привело к установлению факта, что некоторые из этих явлений повторялись через регулярные промежутки времени, и затем была предпринята попытка основывать предсказания на расчете этой повторяемости или периодичности. Это требовало строгой хронологии, к которой вавилоняне пришли только в середине восьмого века до нашей эры: в 747 году они приняли так называемую "эру Набонассара". Это не было политической или религиозной эпохой или эпохой, озаглавленной каким-либо важным событием. Это просто указывало на момент, когда, несомненно, благодаря установлению лунно-солнечного цикла, они вели должным образом составленные хронологические таблицы. Еще раньше не было никакой уверенности в том, что касается подсчета времени. Именно с этого момента начинаются записи затмений, которыми пользовался Птолемей и которыми до сих пор иногда пользуются люди науки с целью проверки своих лунных теорий. Самый старый датирован 21 марта 721 года до н.э.¹

Что касается периода Саргонидов, правивших Ниневией с 722 года, документы знаменитой библиотеки Ашшурбанапала, и особенно отчеты, сделанные этим ассирийским царем официальными астрологами, позволяют нам составить достаточно четкое представление о состоянии их астрономических знаний. Они приблизительно проследили эклиптику, то есть линию, по которой солнце, по-видимому, движется по небу в течение своего годового пути, и разделили ее на четыре части, соответствующие четырем временам года. Не преуспев в установлении настоящего зодиака, они попытались, во всяком случае, с целью проверки календаря составить список созвездий, восход которых по спирали соответствовал различным месяцам. По неподвижным звездам они уже различали планеты в количестве пяти; они проследили их путь, то вперед, то назад, и определили, по крайней мере приблизительно, продолжительность их синодических оборотов, - например, в одной таблице подсчитано, что эта продолжительность в случае Венеры составляет 577,5 дней вместо действительных 584. Но

тогда они еще не имели представления о своих расстояниях от земли, поскольку порядок, в котором перечислены семь главных звезд в надписях Ниневии, - Луна, Солнце, Юпитер, Венера, Сатурн, Меркурий, Марс, - не имеет никакого отношения к каким-либо астрономическим фактам. Юпитер, или Мардук, поставлен во главе пяти планет, потому что Мардук - главный бог Вавилона. Наконец, эти жрецы не только с поразительной точностью установили продолжительность лунного периода, составляющую немногим более двадцати девяти с половиной дней, но, убедившись, что затмения происходят с определенной периодичностью, они зашли так далеко, что часто - но не регулярно - предсказывали их повторение. В своих отчетах царям Ниневии астрологи часто гордились тем фактом, что произошло затмение, которое они предвидели. Это было их великим достижением.

Разрушение Ниневии в 606 году до н.э. не прервало завоеваний астрономии. При Навуходоносоре (604-561) Вавилон вернулся к дням своей былой славы, и в этом древнем святилище науки, среди всеобщего процветания, астрономия получила новый импульс, которому не помешало почти добровольное подчинение старой семитской столицы царям Персии в 539 году. Ценная табличка, датированная 523 годом, показывает поразительный прогресс, достигнутый после падения Ассирии. Здесь впервые мы находим заранее рассчитанные относительные положения солнца и Луны; мы находим отмеченные их точными датами соединения луны с планетами и планет друг с другом и их положение в знаках зодиака, которое здесь представляется определенно установленным, или, выражаясь более кратко, месячные эфемериды солнца и Луны, основные явления планет и затмения. Все это указывает на напряженность мысли и настойчивость в наблюдениях, о которых у нас пока нет другого примера, и поэтому Ф. Х. Куглер совершенно справедливо расценил эту табличку как древнейший известный документ по научной астрономии халдеев. Истинная наука, наконец, освобождена от эмпирических определений, накопившихся в течение многих столетий. С того времени около пятидесяти расшифрованных документов, самый последний из которых относится к 8 году до н.э., позволяют нам проследить его развитие под властью персов, македонян и парфян примерно до начала нашей эры. Заметно постоянное продвижение вперед и все большее совершенствование применяемых методов, по крайней мере, до конца второго века до нашей эры, к которому принадлежат наиболее совершенные образцы, которыми мы располагаем. Хронологические расчеты стали более точными благодаря принятию лунно-солнечного цикла продолжительностью девятнадцать лет; зодиак определенно установлен путем замены древних созвездий переменного размера геометрическим разделением круга, по которому движутся планеты, на двенадцать равных частей, каждая из которых подразделяется на три части или декана, что эквивалентно десяти нашим градусам. Если вавилоняне не знали о прецессии равноденствий раньше греков, то, по крайней мере, они обнаружили неравенство времен года, возникающее в результате изменения видимой скорости движения солнца. Прежде всего, они с поразительной точностью рассчитали продолжительность различных лунных месяцев и, если и не были полностью знакомы с данными проблемы солнечных затмений, то определили условия, при которых происходили лунные затмения. Наконец, - и это была еще более трудная и запутанная проблема, - определив периоды звездного и синодического обращения планет, они построили вечные эфемериды, показывающие год за годом изменения положения этих пяти звезд; затем, во втором веке до нашей эры, они набрались смелости попытаться произвести априорный расчет планетных явлений, подобный тому, который они ранее рассчитали для Луны и солнца.

Мы были вынуждены ввести в это описание определенные технические детали, чтобы точно установить период становления халдейской науки. Могущественная структура их астрономии возникла, как нас просили верить, не в отдаленной безвестности четвертого или даже пятого тысячелетия. Именно в течение первого тысячелетия он был кропотливо и постепенно построен. Из этого следует, что в Вавилонии и Греции, двух нациях, среди которых методичное изучение небес привело к созданию систем, которые навязали себя миру, развитие этих теорий происходило частично одновременно. В шестом веке, когда, как говорят, Фалес предсказал затмение, греки начали с того, что были учениками жителей Востока, у которых они позаимствовали зачатки своих знаний.

Но к середине пятого века они воспарили ввысь на собственных крыльях и вскоре достигли больших высот, чем их прежние учителя.

В конце концов, вавилоняне изучали астрономию только эмпирически. Применив к нему тригонометрию, о которой их предшественники ничего не знали, греки достигли неизвестной доселе достоверности и получили результаты, ранее невозможные. Но в течение нескольких столетий развитие этих двух наук шло бок о бок на Востоке и Западе и в значительной степени независимо. Сейчас было бы невозможно сказать, кому из греков или вавилонян принадлежит заслуга тех или иных открытий. ¹ Но особое отличие халдеев в том, что они извлекли пользу из этих новых концепций и основали на них ученую теологию. В Греции наука всегда оставалась мирской, в Халдее она была жреческой.

Есть все основания полагать, что религиозные истоки у вавилонян были во многом такими же, как и у других семитских народов. Здесь, как и везде, дифференциация приходит только с прогрессом. Обнаружены многочисленные следы примитивного "анимизма", который рассматривал в качестве божеств животных, растения и камни, а также ветер, дождь и бурю и верил, что они имеют таинственные отношения с человечеством. Будучи экспертами в гадании, халдеи с самого начала посвятили себя практике извлекать предзнаменования из явлений и происшествий, в которых они видели проявления воли того пестрого сонма духов, наполнявших вселенную: движение облаков, направление ветра, гром и молния, землетрясения и наводнения, а также рождение чудовищных животных, осмотр печени или даже появление саранчи казались предзнаменованиями, благоприятными или неблагоприятными для человеческих начинаний. Все это было зафиксировано в письменной форме и кодифицировано жрецами, ибо все виды суеверий были кодифицированы этими семитами так же, как законы Хаммурапи. Но среди бесчисленного множества богов, населявших царство природы, вавилоняне приписывали особенно мощное влияние звездам. Эти блестящие объекты, которые они видели непрерывно движущимися по небесному своду, задуманному как сплошной купол совсем близко к земле, внушали им суеверный страх. Любой, кто испытал впечатление, производимое великолепием восточной ночи, поймет это чувство благоговения. Они верили, что в сложных узорах звезд, мерцающих в ночи, они могли распознать фантастические очертания полиморфных монстров, странных предметов, священных животных, воображаемых персонажей, некоторые из которых до сих пор фигурируют на наших небесных картах. Эти грозные силы могут быть благоприятными или враждебными. В ясности своей прозрачной

атмосферы халдейские жрецы постоянно наблюдали за их загадочным курсом: они видели, как они появляются и исчезают, прячутся под землей, чтобы вернуться на другом конце горизонта, снова поднимаясь к новой жизни после временной смерти, всегда побеждая тьму; они наблюдали, как они теряются в сиянии солнца, чтобы вскоре появиться из него, подобно молодому жениху, входящему в чертог невесты, чтобы снова выйти утром; они следили также за вращением планет, сложный путь которых, казалось, был направлен на то, чтобы сбить со следа врага, угрожавшего их жизни. Конечно, они были поражены тем, что во время затмений луна и даже само солнце могут тускнеть, и они верили, что огромный черный дракон пожирает их или скрывает от посторонних глаз. Небо, таким образом, постоянно было ареной сражений, союзов и амуров, и это чудесное зрелище породило пышную мифологию, в которой появлялись, не подчиняясь никаким законам, кроме своих собственных страстей, все герои басен, все животные творения, все призраки воображения.

Между существами и объектами, одинаково воспринимаемыми как живые, примитивный анимизм повсюду устанавливает скрытые и неожиданные отношения, обнаружить и использовать которые - задача магии. В частности, влияние, которое звезды оказывали на наш мир, казалось неоспоримым. Разве восход и заход солнца не приносили каждый день жару и холод, а также свет и тьму? Разве смена времен года не соответствовала определенному состоянию неба? Поэтому неудивительно, что путем индукции люди пришли к выводу, что даже меньшие звезды и их соединения имеют определенную связь с явлениями природы и событиями человеческой жизни. В древности - и здесь панвавилонисты правы - возникла идея о том, что конфигурация неба соответствует явлениям на земле. Все в небе и на земле одинаково непрерывно меняется, и считалось, что существует соответствие между движениями богов наверху и изменениями, происходящими здесь, внизу. Это фундаментальная идея астрологии. Возможно, в этой схеме совпадений вавилоняне даже зашли так далеко, что разделили небесный свод на страны, горы и реки, соответствующие известной им географии.

Здесь, как и везде, человеческий разум долго искал путь к истине в лабиринте домыслов и химер. Но само заблуждение, населявшее небесные обитатели добрыми или враждебными силами, чья непрерывная эволюция была угрозой или обещанием человечеству, побудило халдеев усердно изучать их появления, эволюцию и исчезновения. С неутомимым терпением они наблюдали за ними и отмечали наиболее важные социальные или политические события, которые сопровождали такой-то аспект небес или последовали за ним, чтобы убедиться, что данное совпадение будет регулярно повторяться. Таким образом, они со скрупулезной тщательностью выгравировали на своих табличках все астрономические или метеорологические явления, на основе которых делали свои прогнозы: фазы Луны, положение и соединения планет, затмения, кометы, падения аэролитов и гало.

Сохранившиеся до нас чисто эмпирические и очень простые определения, сопровождаемые предсказаниями, наивны и почти ребяческие: даже во времена Саргонидов в них нет ничего, что напоминало бы ученую точность греческого гороскопа. Но из этой массы документов, кропотливо собранных в архивах храмов, законы движения небесных тел выделялись со все возрастающей точностью. Первобытный человек обычно верит, что новые звезды появляются каждый раз, когда они исчезают, что солнце умирает и рождается каждый день или, по крайней мере, каждую зиму, что луну поглощают во время затмений и что ее место занимает другое. За этими ранними идеями, все следы которых не исчезли, более того, не исчезли до сих пор - мы все еще говорим о "новолунии", - последовало открытие, что одни и те же звезды всегда

пересекали верхние сферы с яркостью, которая попеременно увеличивалась и уменьшалась. Нерегулярности атмосферных возмущений неизбежно противопоставлялась регулярность побочных реальных революций и затенений. Мало-помалу астрономы-священники, как мы видели, преуспели в составлении астрономического календаря и предсказании возвращения в определенный день ранее описанных явлений, и они смогли предсказать изумленным толпам приход наводивших на них ужас затмений. Нет ничего удивительного в том факте, что, поскольку они приписывали само небеса раскрытию этого чудесного знания, они должны были видеть в астрономии божественную науку.

Невозможно преувеличить религиозное значение, которое чрезвычайно суеверные люди придавали этим открытиям. Скиапарелли, наиболее компетентный историк точных наук древности, заметил, что "тенденция, которая доминирует во всей вавилонской астрономии, состоит в том, чтобы обнаруживать все периодическое в небесных явлениях и сводить это к числовому выражению таким образом, чтобы иметь возможность предсказать его повторение в будущем". ¹ Научные открытия, которые были сделаны начиная с ассирийского периода, позволили астрологам, как мы видели, предсказывать определенные события с абсолютной уверенностью, которой не достигал ни один другой вид прогнозирования. Бесконечная перспектива, уходящая далеко в будущее, открылась умам, пораженным собственной смелостью. Таким образом, гадание по звездам было поставлено выше всех других методов, которые использовались в то время. Не подлежит сомнению, что первостепенное значение, отныне присвоенное астрологии, должно было привести к трансформации всей теологии. "Наука наблюдения за небесами, которая мало-помалу совершенствовалась жрецами, стала в их руках сводом астральной доктрины, которая никогда не теряла привкуса школы, но которая, тем не менее, пронизывала всю вавилонскую религию и, по крайней мере частично, трансформировала ее". ¹

Развитие древневавилонской религии не имеет никакого отношения к астрономическим теориям. Скорее, это были политические обстоятельства, которые, в свою очередь, предоставили определенным богам первенство среди множества божеств, которым поклонялись в стране Шумер и Аккад, и, в соответствии с процессом, который повторяется повсюду, привели к тому, что функции других местных властей были приписаны их всепроникающей личности. Когда Вавилон является столицей царей, именно покровитель этого города, Мардук, отождествляемый с Бэлом, занимает главное место в Пантеоне; когда Ниневия является резиденцией империи, это Ашшур. Даже группировки и иерархии, которые наиболее явно свидетельствуют о вмешательстве жреческого объединения, по-видимому, не были вызваны астрономическими спекуляциями. В системе триад, которую придумали теологи, первенство было отдано Ану, Энлилю и Эа, духам Неба, Земли и Воды; ниже них они поместили Сина, Шамаша, или Раммана, и Иштар, гениев Солнца и Луны, или атмосферы, и богиню плодородия земли, отождествляемую с планетой Венера. Несмотря на присутствие в этом симметричном расположении двух светил, которым во все времена поклонялись в этой стране, а иногда и самых ярких звезд, в этой группировке невозможно увидеть астральный принцип. Проф. Джастроу, лучший судья в этих вопросах, без колебаний рассматривает истинно звездный культ, возникший в Вавилоне под влиянием ученых теорий, разработанных кастой жрецов, как новую религию. Я цитирую его слова: ²

Культ звезд, развившийся в Вавилоне и Ассирии в связи с наукой о наблюдении за небом, был, по сути, новой религией, победа которой привела к упадку старых народных верований. На

самом деле, в ритуале поклонения, в церемониях заклинаний и очищения, в гимнах и молитвах, в песнопениях церемониального плача, на старых празднествах в честь богов природы, так же как в гепатоскопии (или исследовании печени жертв) и в других видах гадания, которые сохранялись до конца Вавилонской империи, популярные идеи всегда сохранялись. Священники были бы осторожны, чтобы не разрушить и не подвергнуть опасности власть, которую они осуществляли над толпой, изменив формы богослужения в направлении новой религии. Но, несмотря на все это, астральные доктрины не могли не ощущать своего влияния мало-помалу как разрушительной силы.

Новые доктрины были согласованы или каким-то образом объединены со старыми верованиями, поместив обитель богов на звездах или отождествив их с последними. В результате логичного и полностью оправданного развития первобытных верований, приписывавших солнцу и луне мощное воздействие на землю, преобладающее влияние на определение судьбы было также возложено на пять планет, которые, подобно первым, пересекали зодиакальные созвездия. Таким образом, они были отождествлены с главными фигурами ассирийско-вавилонского пантеона. В соответствии с присвоенным им рангом, а также в соответствии с яркостью, цветом или продолжительностью обращения звезд устанавливались отношения между звездами и богами. Мардуку, главному из последних, был приписан Юпитер, чей золотой свет наиболее устойчиво горит в небе, Венера досталась Иштар, Сатурн - Ниниб, Меркурий - Небу, Марс, из-за его кроваво-красного цвета, - Нергалу, покровителю войны. Что касается неподвижных звезд, поодиночке или сгруппированных в созвездия, то они соотносились с менее важными владыками, героями или гениями. Это не мешало, например, всегда считать Иштар богиней плодородия земли и поклоняться ей как таковой. Таким образом, как и в язычестве римского периода, божества приобрели двойной характер: одно традиционное и основанное на древних верованиях, другое случайное и вдохновленное учеными теориями.

Истоки этой религиозной эволюции уходят далеко в прошлое, но в настоящее время мы не в состоянии выделить этапы ее развития и назначить им даты. Возможно, когда-нибудь удастся проследить прогресс вавилонской астрономии по клинописным табличкам и показать, как постоянно расширяющееся представление о небесах мало-помалу трансформировало способы верования. Несомненно, теории астрономов никогда полностью не устранили наивные сказки, которые традиция передавала о божественных звездах; здесь, как и везде, исследование физических причин не смогло избавиться от мифических пережитков, и доктрины восточных космографов продолжали отягощаться абсурдными представлениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на астрономические курьезы Книги Еноха, которые еще в первом веке до нашей эры перекликаются со старыми халдейскими доктринами.

Можно считать доказанным, что этой астральной религии удалось утвердиться в шестом веке до нашей эры, в период недолгой славы второй Вавилонской империи и после ее падения, когда новые идеи, заимствованные с Востока и Запада, были привнесены сначала персами, а затем греками в долину Евфрата. ¹ Если, как мы покажем, ² платоновский диалог "Эпиномис" вдохновлен этой религией, то некоторые из ее главных догм были сформулированы еще до четвертого века. Основные характеристики его теологии известны нам не из местных текстов, а из информации, предоставленной западными авторами о "халдейских" верованиях. Слово *Khaldaios*, Халдей, время от времени имело у древних очень разные значения. Эти термины обозначали прежде всего жителей Халдеи, то есть нижней Месопотамии, а затем членов

вавилонского духовенства. Таким образом, во времена царей Ахеменидов в официальных процессах Вавилона первыми шли волхвы, как утверждает Квинт Курций, ³ то есть персидские жрецы, обосновавшиеся в завоеванной столице, затем халдеи, то есть местное жреческое сообщество. Позже эпитет Халдейос стал применяться как почетный титул к грекам, которые учились в вавилонских школах и провозгласили себя учениками вавилонян; наконец, он служил для обозначения всех тех шарлатанов, которые утверждали, что предсказывают будущее по звездам. Вариации в значении этого этнического термина, который в конечном итоге стал, как и термин "волхвы", профессиональным обозначением, в свою очередь привели к огромному преувеличению древности или неоправданному принижению ценности данных, предоставленных нам Диодором Сицилийским, ¹ Филоном Александрийским и другими авторами о религиозной и космической системе "халдеев". Эти фрагменты информации, как и следовало ожидать, представляют ценность только для периода, непосредственно предшествовавшего этим авторам. Они применимы к тем концепциям, которые были распространены среди жрецов Месопотамии при Селевкидах в тот момент, когда греки вступили с ними в постоянные отношения. Некоторые из этих концепций, безусловно, намного старше и восходят к древним жреческим традициям. Диодор противопоставляет единство доктрин наследственной касты халдеев различным взглядам греческих философов на наиболее существенные принципы; но возможно, что спекулятивный ум греков способствовал четкому формулированию этих древних верований и согласованию догм этой религии, как это было также в случае с астрологией, которая является частью этой религии.

Ниже приведены общие положения этой теологии.

Исходя из установленного ими ведущего факта, а именно из неизменности звездных вращений, халдеи естественным образом пришли к идее Необходимости, стоящей выше самих богов, поскольку она руководила их движениями; и эта Необходимость, которая управляла богами, должна была, тем более, господствовать над человечеством. Концепция фатальности, связанной с регулярным движением небес, зародилась в Вавилоне, но этот универсальный детерминизм не был доведен там до своих окончательных логических следствий. Суверенное провидение, это правда, непреложным указом регулировало гармонию мира. Но определенных возмущений на небесах, нерегулярных явлений, таких как появление комет или ливень падающих звезд, было достаточно, чтобы поддерживать веру в исключительное действие божественной воли, произвольно вмешивающейся в порядок природы. Жрецы предсказывали будущее по звездам, но с помощью очищений, жертвоприношений и заклинаний они утверждали, что изгоняют зло и более определенно обеспечивают обещанные благословения. Это была необходимая уступка народным верованиям, которой требовало само поддержание культа. Но при нормальных условиях, как показал опыт, божественные звезды подчинялись непреклонному закону, который позволял заранее рассчитать все, что они приведут в исполнение.

В восточных цивилизациях, которые являются цивилизациями жречества, тесный союз знаний и веры повсеместно характеризует развитие религиозной мысли. Но нигде этот союз не выглядит более необычным, чем в Вавилоне, где мы видим практический политеизм довольно

грубого характера в сочетании с применением точных наук, а небесные боги подчиняются законам математики. Эта странная ассоциация для нас почти непостижима, но следует помнить, что в Вавилоне число сильно отличалось от цифры. Точно так же, как в древние времена и, прежде всего, в Египте, имя обладало магической силой, а церемониальные слова образовывали непреодолимое заклинание, так и здесь число обладает активной силой, число является символом, а его свойства - священными атрибутами. Астрология - это всего лишь раздел математики, который небеса открыли человечеству своими периодическими движениями.

Из своего главного открытия - неизменности астрономических законов - халдеи сделали еще один важный вывод, а именно о вечности мира. Мир не был рожден в начале, он не будет подвержен разрушению в будущем; божественное провидение изначально распорядилось так, как это будет вовеки. На самом деле звезды совершают свои обращения в соответствии с вечно неизменяемыми циклами лет, которые, как показывает опыт, сменяют друг друга до бесконечности. Каждый из этих космических циклов будет точным воспроизведением тех, что предшествовали ему, ибо, когда звезды возвращаются в прежнее положение, они обязаны действовать точно так же, как и прежде. Таким образом, жизнь Вселенной рассматривалась как последовательность обширных периодов, которые по наиболее вероятной оценке оценивались в 432 000 лет. Еще в начале третьего века до нашей эры Берос, жрец Бела, изложил грекам теорию вечного возвращения вещей, открытием которой гордился Ницше.

Точно так же, как эта религия астрономов считала числа священными, она бросала вызов Времени, ход которого был связан с вращением небес. Через равные промежутки времени он возвращал луну, солнце, звезды к их исходной точке, и поскольку казалось, что он управляет их движением, естественно, он считался божественной силой. Именно небесные тела своим регулярным движением научили человека делить на последовательные отрезки непрерывную цепь мгновений. Каждый из периодов, отмеченных в бесконечном течении времени, разделял божественность звезд, особенно Времен года. В их культе древние праздники природы сочетались с идеями, почерпнутыми из астрологии.

Вавилонское богословие никогда полностью не порывало с примитивным почитанием, с которым семитские племена относились ко всем таинственным силам, окружающим человека. Во времена Хаммурапи верховная триада состояла, как мы уже говорили, из богов Неба, Земли и Воды. Звездная теология систематизировала этот очень древний культ сил природы, соединив их с астрономическими теориями. Обширный пантеизм унаследовал и кодифицировал идеи древнего анимизма. Вечный мир полностью божественен либо потому, что он сам является Богом, либо потому, что он понимается как содержащий в себе божественную душу, которая пронизывает все вещи. Великий упрек, который еврей Филон бросает халдеям, заключается именно в том, что они поклоняются творению, а не Творцу.

Этому миру поклоняются во всей его полноте, и поклоняются также различным его частям: прежде всего, Небесам, не только в силу воспоминаний о древневавилонской религии, которая отводила главное место в Пантеоне Ану, но и потому, что это обитель высших сил. Среди звезд самыми важными считались луна и солнце, поскольку именно в таком порядке они были расположены, затем пять планет, которые, как мы видели, были посвящены главным божествам мифологии или отождествлялись с ними. Им было дано название Толкователей, потому что, будучи наделены особым движением, которым не обладают неподвижные звезды, которые

подчиняются собственному движению, они превыше всех других раскрывают человеку замыслы богов. Но поклонялись также всемсозвездиям небосвода как провозвестникам воли Небес, и в особенности двенадцати знакам зодиака и тридцати шести деканам, которые назывались Богами-Советниками; затем, вне зодиака, двадцати четырем звездам, двенадцати в северном и двенадцати в южном полушарии, которые, будучи иногда видимыми, иногда невидимыми, становились Судьями живых и мертвых. Все эти небесные тела, переменчивые движения и деятельность которых наблюдались с древнейших времен, предвещали не только ураганы, дожди и палящую жару, но и хорошую или плохую судьбу стран, народов, королей и даже простых людей.

Владения божественного бога не заканчивались в зоне луны, которая является ближайшей к нам. Халдеи также поклонялись как благодетельным или грозным силам Земле, плодородной или бесплодной, Океану и Водам, которые оплодотворяют или опустошают, Ветрам, которые дуют с четырех сторон горизонта, Огню, который согревает и пожирает. Они смешивали со звездами под общим названием Элементов (*stoixeia*) эти изначальные силы, которые порождают явления природы. Система, признающая только четыре элемента, первоисточника всех вещей, является творением греков.

Если все движения небес неизбежно оказывают свое воздействие на землю, то от них зависит, прежде всего, судьба человека. Халдеи, по-видимому, признавали, что принцип жизни, согревающий и оживляющий человеческое тело, имеет ту же сущность, что и небесные огни. От них душа получила свои качества при рождении, и в этот момент звезды определили ее судьбу здесь, внизу. ¹ Разум был божественным и позволял душе вступать в отношения с вышестоящими богами. Созерцая звезды, верующие получали от них откровение всех знаний, а также всего предвидения. Жреческие астрологи всегда были в какой-то степени провидцами, которые считали вдохновением свыше все идеи, возникавшие в их собственных умах. Несомненно, у них уже была идея, что после смерти благочестивые души вновь возносятся к божественным звездам, откуда они пришли, и в этой небесной обители обретают славное бессмертие. ¹

Подводя итог, можно сказать, что в тот момент, когда греки завоевали Месопотамию при Александре, они обнаружили над глубоким слоем мифологии ученую теологию, основанную на терпеливых астрономических наблюдениях, которые претендовали на раскрытие природы мира, считавшегося божественным, тайн будущего и судеб человека. В нашей следующей лекции мы попытаемся показать, какое влияние оказала вавилонская религия, соприкасавшаяся с эллинизмом, и как она сочеталась со стоической философией.

ЛЕКЦИЯ II. Вавилон и Греция

Отношения греческой философии с восточными теологиями составляют обширную тему, которая долгое время обсуждалась. В этой лекции мы не претендуем на решение этих проблем или даже на то, чтобы охватить всю область, которую они охватывают. Наш интерес ограничен одним конкретным моментом, а именно, когда и как семитский звездопоклонничество изменило древние верования эллинов.

Все звездные культы, собственно так называемые, изначальны были чужды как грекам, так и римлянам - факт, который, несомненно, доказывает, что общие предки италиков и эллинов

жили в северной стране, где звезды часто были скрыты туманами или облаками. Для них почти все созвездия оставались безымянной и хаотичной массой, а планеты не отличались от других звезд. Даже солнце и луна, хотя они и считались божествами, подобно всем силам природы, занимали в греческой религии лишь весьма второстепенное место. Селена, по-видимому, нигде не обзавелась организованным культом, и в тех немногих местах, где у Гелиоса были храмы, как, например, на острове Родос, можно обоснованно заподозрить иностранное происхождение.

Аристофан характеризует разницу между религией греков и религией варваров, замечая, что последние приносят жертвы Солнцу и Луне, первые - личным божествам, таким как Гермес. Доэллинское население, весьма вероятно, разделяло поклонение "варварам", о которых говорит Аристофан, и пережитки этого явления можно найти в народных обычаях и верованиях. Возможно, также, что некоторые отдаленные воспоминания об изначальном натурализме арийских племен привели простых людей к тому, что они стали рассматривать звезды как живые существа. Это был шок для общепринятого мнения, когда Анаксагор утверждал, что они были просто телами, находящимися в состоянии накала. Но хотя благочестие толпы было полно почтения к великим небесным светилам, правителям дня и ночи, в городах не строили им храмов. Культ этих космических сил был искоренен антропоморфизмом.

Со времен Гомера боги больше не являются физическими агентами, а являются моральными - или, если хотите, безнравственными - существами. Похожие на людей в своих страстях, они превосходят их только по силе; близкое сходство их чувств с чувствами их приверженцев побуждает их тесно участвовать в земной жизни последних; вдохновленные подобным патриотизмом, они принимают участие вместе с противоборствующими войсками в городских распрях, официальными защитниками которых они являются; они являются главными действующими лицами во всех делах, которые поддерживают их почитатели. Эти бессмертные существа, чей образ запечатлелся в аристократическом эпосе, лишь слегка отличаются от героев-воинов, которые им поклоняются, если не считать сияния вечной юности. И скульпторы, наделяя их суверенной грацией и безмятежным величием, позволяли им возвышаться и восхищать души людей одним лишь видом их нетленной красоты. Весь дух эллинской религии, глубоко человеческой, идеально эстетичной, какой ее рисовали поэты и художники, был направлен против обожествления небесных тел, далеких сил, лишенных чувства и пластической формы.

Но хотя преобладающее богослужение и городские культы отвернулись от звезд, чтобы почитать августейшую компанию олимпийцев, хотя Аполлон в облике лучезарного юноши затмевает материальный блеск Гелиоса, все же мы обнаруживаем, что философы отводят этим же светилам почетное место в своем пантеоне. Их системы, восходящие ко временам ионийских физиков, возрождают и оправдывают старые натуралистические верования, которые так и не были полностью искоренены из популярного вероучения. Уже в глазах Пифагора небесные тела являются божественными, движимыми эфирной душой, которая наполняет вселенную и сродни собственной душе человека. Платон обвиняет Анаксагора в поддержке атеизма своим смелым утверждением, что солнце - это всего лишь раскаленная масса, а луна - земля. Ниже высшего вечного Существа, объединяющего в себе все совершенства, Платон хотел, чтобы мы признали звезды "видимыми богами", которых Он одушевляет своей собственной жизнью и которые проявляют его могущество. По мнению реформатора, эти небесные боги бесконечно выше богов популярной религии. Эта концепция великого идеалиста, которому теология древнего и даже современного мира обязана больше, чем какому-либо другому мыслителю, должна была

быть развита его преемниками, и в их руках астрономия стала почти священной наукой. С не меньшим благочестивым рвением соперник Платона, Аристотель, защищает догмат о божественности звезд: в них, как и в самой Первопричине, он видит вечные субстанции, принципы движения и, следовательно, божественность; и это учение, которое, таким образом, составляет неотъемлемую часть его метафизики, должно было распространяться на протяжении веков и по всему миру, везде, где признавался авторитет Учителя.

Обожествляя небесные тела, эти философы, возможно, руководствовались желанием призвать к почитанию своих учеников существ более чистых, чем те, кого мифология представляла жалкими героями нелепых или непристойных легенд и кому басня приписывала всевозможные вредные и постыдные поступки. Полемика ранних рационалистов дискредитировала эти абсурдные или одиозные мифы, а обожествление звезд, спасая политеизм, который был практически неразрушим, подавляло антропоморфизм, на который Ксенофан уже так решительно нападал. Новая звездная теология выглядит как компромисс между распространенными верованиями и чистым монотеизмом.

Я охотно допускаю, что философы, возможно, также пришли к этой точке зрения благодаря логическому развитию своей собственной мысли: непрерывное движение этих огромных масс показывало, что они были живыми существами, а вечная неизменность их орбит доказывала, что высший разум направлял их вечный курс. Восхитительная гармония их отношений, неизбежная и неизменная регулярность их революций предполагали присутствие в них божественной сущности.

Все это совершенно верно: практические мотивы и теоретические соображения, возможно, одновременно влияли на этих мыслителей. Но, тем не менее, невозможно сомневаться в том, что в своих попытках реформировать религию они также вдохновлялись примером, который подавали народы Востока. Греки, которые были обязаны фундаментальными аксиомами своей уранографии вавилонянам, не преминули бы также быть пораженными возвышенным характером звездопоклонничества, ставшего научным. Элементы их звездной теологии были, по всей вероятности, почерпнуты из внешних источников вместе с зачатками их астрономии.

Здесь мы касаемся вопроса, который является очень обширным и все еще очень неясным, несмотря на бесконечные дискуссии, которые он вызвал, - или, возможно, по причине этих страстных дискуссий. История интеллектуального развития древнего мира, пожалуй, не предлагает более фундаментальной проблемы, чем проблема влияния, которое вавилонская наука оказала на Грецию.

Недавно, как мы заметили, определенная школа ассириологов любопытным образом преувеличила масштабы этого влияния, и эксцессы "панвавилонистов" вызвали вполне обоснованное недоверие к тем причудливым взглядам, которые видят в Халдее мать всей мудрости. Но реальность эллинских заимствований из семитских источников остается тем не менее неоспоримой. В далекие времена Эллада получила с дальнего Востока двенадцатеричную или шестидесятеричную систему измерения как времени, так и предметов. Привычка считать в терминах двенадцати часов, которой мы пользуемся до сих пор, объясняется тем фактом, что ионийцы позаимствовали у жителей Востока этот метод деления суток. Помимо знакомства с древними инструментами, такими как солнечные часы,¹ обсерваториям Месопотамии они были обязаны фундаментальными данными своей небесной топографии: эклипкой, знаками зодиака и большинством планет. Этому первому притоку

позитивного знания соответствует первое введение в греческие системы мистических идей, которые восточные народы связывали с ними. Я не буду заострять внимание на сомнительных традициях, которые делают Пифагора учеником халдеев, но оказалось возможным продемонстрировать, что его система чисел и геометрических фигур, созданная для представления определенных богов, соответствует астрологическим теориям.

Двенадцатиугольник носит имя Юпитера, потому что эта планета проходит круг зодиака за двенадцать лет, то есть каждый год она проходит дугу, заканчивающуюся углами многоугольника, вписанного в этот круг.

Но эти первые научные и религиозные открытия относятся к периоду, когда, как мы знаем, торговые города Ионии распахнули свои ворота перед азиатским влиянием. Гораздо важнее собрать следы этого халдейского проникновения после персидских войн, когда греческая мысль достигла своей автономии. Некоторые недавно выявленные факты указывают на то, что связи, прямые или косвенные, между центрами вавилонской учености и греческой культуры никогда полностью не прерывались. ¹

Известно, что Метон считается изобретателем девятнадцатилетнего цикла (enneakaidekaëteris), который установил бы периодическое соответствие между старым лунным годом и солнечными оборотами и который заменил древний octaëteris, или восьмилетний цикл, использовавшийся до того времени. Золотое Число² из наших календарей все еще напоминает нам о том, как, согласно традиции, это открытие, сообщенное афинянам в 432 году, вызвало их восхищение до такой степени, что расчеты Метона были выгравированы золотыми буквами на Агоре. Все это, однако, басня. Поскольку доказано, что октаэтерис использовался в Вавилонии по документам шестого века, а эннеакaideкаэтерис - по надписям четвертого века, и эта последняя вполне может быть намного старше, кажется трудным поверить, что Метона не вдохновил пример, который ему подали жители Востока. Это тем более вероятно, что он, по-видимому, имел некоторое поверхностное знакомство с астрологией, если мы можем поверить, что в момент отплытия флота на Сицилию его наука открыла ему катастрофу, ожидавшую эту экспедицию. Верно, что всегда можно утверждать, что вавилоняне и греки независимо друг от друга пришли к одним и тем же выводам, или даже зайти так далеко, что утверждать, что первые были подражателями вторых.

Но вот более убедительный аргумент. Когда греки научились распознавать пять планет, известных в древности, они дали им названия, основанные на их характере. Венеру, чье сияние уже воспевал Гомер, называли "Вестницей Зари" (Eusforos) или "Вестницей света" (Fusforos) или, с другой стороны, "Веспертиной" (Esperos), в зависимости от того, считалась ли она утренней или вечерней звездой (личность этих двух пока не установлена). Меркурий был назван "Мерцающей звездой" (Стильбун), Марс, из-за его красного цвета, "Огненной звездой" (Пирей), Юпитер - "Светящейся звездой" (Фаэтун), Сатурн - "Сверкающей звездой" (Файнун) или, возможно, если понимать это слово в другом смысле, "Индикатором". Теперь, после четвертого века, обнаруживаются другие титулы, заменяющие эти древние названия, которые постепенно вытесняются из употребления. Планеты становятся звездами Гермеса, Афродиты, Ареса, Зевса, Кроноса (Эрму, Афродиты, ктл. астра). Теперь это, по-видимому, связано с тем фактом, что в

Вавилонии эти же планеты были посвящены соответственно Небу, Иштар, Нергалу, Мардуку и Нинибу. В соответствии с обычной процедурой древних греки заменили эти варварские божества теми из своих собственных божеств, которые имели некоторое сходство с ними. Сюда проникли явно экзотические идеи, идеи семитского звездопоклонничества, поскольку древняя мифология Эллады не ставила звезды под покровительство олимпийцев и не устанавливала никакой связи между ними. Таким образом, названия планет, которыми мы пользуемся сегодня, являются английским переводом латинского перевода греческого перевода вавилонской номенклатуры.

Возможно, некоторые сомнения все еще оставались бы, если бы мы в то же время не увидели, как некоторые очень своеобразные верования звездной религии Вавилона проникают в доктрины философов. Хорошо известно, что эта религия образовала триаду: Син, Шамаш и Иштар. К богу Луны, считавшемуся самым могущественным из трех, и к Солнцу была добавлена Венера, самая яркая из планет. Это три великих правителя зодиака, и их символы - полумесяцы, диски, содержащие звезду из четырех или шести точек, - появляются на верхушках пограничных столбов (кудурру) с четырнадцатого века до н.э. Теперь та же ассоциация обнаруживается в отрывке из Демокрита, где Солнце, Луна и Венера отличаются от других планет. ¹ Отголосок той же теории распространился даже на римлян. Плиний в отрывке, который обязан своей эрудицией какому-то халдейскому автору эллинистического периода, ² отмечает, что Венера - "соперница Солнца и Луны", и добавляет, что "одна среди звезд она сияет с такой яркостью, что ее лучи отбрасывают тень", - утверждение, которое было бы абсурдным в климате Рима, но которое строго верно при ясном свете Солнца. небо Сирии.

Другой пример заимствования еще более очевиден. Для вавилонских астрологов Сатурн - "планета Солнца", он же "Солнце ночи",³ то есть, согласно системе замен, примеров которой множество, Сатурн мог занимать в астрологических комбинациях место дневной звезды, когда последняя исчезала. Диодор был хорошо осведомлен об этом факте. Объясняя (II, 30), что халдеи называют планеты "Толкователями" (ermeneis), потому что своим движением они открывают людям волю богов, он добавляет: "звезду, которую греки называют Кронос, они называют "звездой Солнца", потому что она самая заметная и дает самые многочисленные и самые важные предсказания".

Теперь в "Эпиномисах" Платона - в этой связи не имеет большого значения, является ли это произведением самого Мастера в его преклонном возрасте или же оно было составлено его учеником Филиппом из Опуса, который после копирования Законов, возможно, добавил это приложение, - есть намек на эту своеобразную доктрину. В составленном там перечне планет указано, что самая медленная из них носит, по мнению некоторых людей, имя Гелиос. ¹ Более того, тот факт, что автор был знаком с восточными теориями, не менее ясно вытекает из определенных выражений, которые он использует в этом отрывке, чем из самой цели, которую он имеет в виду. Он мечтал о примирении между культом Аполлона Дельфийского и культом звездных богов, которым благочестие Сирии и Египта научило греков. По его словам, грекам надлежало усовершенствовать это поклонение звездам, недавно введенное в их стране, так же как они усовершенствовали все, что получили от варваров. Эти фразы, в которых ясно сквозит эллинская гордость и в то же время проскальзывает признание зависимости от иностранца, в высшей степени характерны. Все их значение становится очевидным теперь, когда типичная деталь открыла нам, чем автор обязан халдеям своими астрономическими познаниями. В дальнейшем, возможно, будет уместно придать некоторое значение примечанию,

сохранившемся в папирусе из Геркуланума, [2](#) и, похоже, принадлежит тому самому Филиппу из Опус, которому приписывается сочинение *Epinomis*. Похоже, что Платон в преклонном возрасте принял "халдейского" гостя, который смог рассказать ему об открытиях, сделанных его соотечественниками.

Мне кажется несомненным, что влияние восточного звездопоклонничества на Эпиноми было гораздо более обширным, чем считалось до сих пор. Автор заимствует не у пифагорейцев, а, как он сам говорит, у сирийцев. В этом кратком диалоге мы находим изложенные или обозначенные фундаментальные доктрины, из которых, как мы уже видели, некоторые прямо приписываются халдеям, в то время как другие мы найдем развитыми в звездном богословии римского периода.

Этими доктринами являются идея о том, что наука в целом является даром богов, и что математика в частности была открыта людям Ураном, рассматриваемым как божество, который помог им понять их с помощью своих периодических явлений; демонстрация того, что, каким бы ни было мнение обывателей, звезды одушевлены и божественны, и что между этими небесными божествами и землей иерархически организованная армия воздушных духов действует как посредник; заявление о том, что самой совершенной из наук является астрономия, ставшая теологией. Человек, говорит автор, привлеченный красотой видимого мира, не просто испытывает желание познать все, что позволяет ему воспринять его природа, он поднимается до пылкого созерцания чудесного зрелища гармоничных движений, которые по величию и великолепию превосходят все хоры. Короче говоря, это изучение неотделимо от добродетели; эта мудрость обеспечивает высшее счастье, и в качестве награды в следующем мире она имеет жизнь блаженства, подобную той, которую благочестивый астроном вел на земле, но более совершенную, жизнь, в которой он будет всецело поглощен созерцанием небесного великолепия и достигнет высшего блаженства.

Воистину, Эпиномис - это то, за что он себя выдает: первое евангелие, проповеданное эллинам звездной религии Азии. Идеи, которые здесь изложены, не перестанут оказывать влияние на школу Платона. Таким образом, Ксенократ, для которого астрономия является священной наукой, разработает демонологию, и мы увидим, как эклектик Посидоний расширит и возвысит те же самые концепции.

Но, скажут, если греки таким образом преклонились перед превосходством звездной теологии халдеев, то почему астрология не была введена среди них? Ибо с шестого по четвертый век все удивительное развитие их философии показывает, что ей ничего не известно о космическом фатализме и звездных предсказаниях. В целом, это утверждение верно, хотя определенные следы этих спекуляций обнаруживаются, как мы видели, в трудах ранних пифагорейцев, а недавно халдейская доктрина была успешно использована для объяснения отрывка из Пиндара. ¹ Теперь, примерно в тот период, когда Филипп Опус опубликовал или написал "Эпиномис", другой ученик Платона, астроном Евдокс Книдосский, заявил: "Не следует доверять халдеям, которые предсказывают и определяют жизнь каждого человека в соответствии с днем его рождения". ¹ Некоторые современные филологи - которые, несомненно, смотрят на греческую историю как на своего рода эксперимент в закрытом сосуде, который провидение, стремящееся исключить любой тревожащий элемент, проводило для

наиболее полного обучения ученых будущего, - некоторые филологи, говорю я, сомневались, мог ли Евдокс в четвертом веке действительно знать и осуждать восточную генеалогию. Но, как и Евдокс, Феофраст немного позже говорил об этом в своем трактате "Небесные знамения": он с удивлением воспринял заявление халдеев о том, что они могут предсказывать по этим знамениям будущее. жизнь и смерть отдельных людей, а не просто общих явлений, таких как хорошая или плохая погода. 2

Таким образом, ненасытное любопытство греков не игнорировало астрологию, но их трезвый гений отверг ее опасные доктрины, а их острый критический ум был способен отличить научные данные, наблюдаемые вавилонянами, от ошибочных выводов, которые они из них выводили. К их вечной чести, среди путаницы точных наблюдений и суеверных фантазий, составляющих жреческие знания Востока, они обнаружили и использовали серьезные элементы, пренебрегая мусором.

Пока Греция оставалась Грецией, гадание по звездам не овладевало греческим умом, и все попытки заменить их аморальное, но очаровательное идолопоклонство астрономической теологией были обречены на верный провал. Попытки философов навязать своим соотечественникам поклонение "великим видимым богам", как называл их Платон, отступили перед мощью традиции, поддерживаемой престижем искусства и литературы. Это было чисто интеллектуальное движение, которое, как могло показаться, не принесло серьезных практических результатов. Оно не изменило ни народного, ни официального культа. Население продолжало молиться "ката та патрия", по обычаю своих предков, старым защитникам семьи и города, и формула старомодных литургий оставалась неизменной, несмотря на все возражения, которые наука реформаторов могла выдвинуть против этого.

Но после завоеваний Александра произошли большие перемены. Древний идеал греческой республики уступил место концепции всеобщей монархии. С тех пор муниципальные культы уступили место международной религии. Поклонение звездам, общее для всех народов, усиливалось всем, что ослабляло партикуляризм городов. По мере распространения идеи "человечности" люди были все более готовы оказывать почтение тем небесным силам, которые распространяли свои благословения на все человечество, и князья, провозгласившие себя правителями мира, не могли быть защищены ничем, кроме космополитических богов.

Таким образом, мыслители все больше и больше соглашались с тем, что главное место отводится звездным божествам. Зенон и его ученики провозгласили свое могущество еще более ясно, чем школы Платона и Аристотеля. Поскольку стоический пантеизм представлял Разум, управляющий всеми вещами, пребывающим в эфирном Огне, звезды, в которых высший Огонь проявлял себя с величайшей силой и блеском, обязательно были наделены самыми высокими божественными качествами. Точно так же огромный успех, достигнутый доктриной Эвгемера, способствовал возвышению их могущества. Мы знаем, что эта доктрина рассматривала божества из сказок как высших смертных, которым после смерти поклонялись с благодарностью или восхищением толпы. Таким образом, приписывая олимпийцам древности уже не только человеческий облик, но и человеческую природу, он оставлял только вечным и

нетленным звездам достоинство изначальных богов и возвышал их в той же мере, в какой приносил их соперников прошлых дней.

Таким образом, политическое состояние мира, так же как и тенденции теологии, влекли эллинизм к поклонению звездам. Но взаимопроникновение Востока и Греции, имевшее место в этот период, удивительным образом ускорило эту религиозную эволюцию. Стоа, как мы увидим, была свободно доступна варварским влияниям, и Эвгемер, как нам говорят, черпал свое вдохновение в египетском богословии. Но решающим фактором стал контакт, установившийся в империи Селевкидов между эллинской культурой и вавилонской цивилизацией.

Халдеи, которых политика антиохийских царей стремилась умиротворить, вступили в тесные отношения с учеными мужами, пришедшими в Азию в сопровождении своих завоевателей, и они даже продолжали распространять свои заповеди по всей земле Греции. Жрец Бела, Беросус, обосновался около 280 года на острове Кос и там раскрыл своим скептически настроенным слушателям содержание клинописных записей, накопленных в архивах его страны, анналов древних царей и астрологических трактатов. Другой халдеец, Судинес, приглашенный ко двору Атталы I, царя Пергама, практиковал там около 238 года методы гадания, популярные на его родине, такие как осмотр печени (эпатоскопия), и он продолжал оставаться авторитетом, которого часто цитировали более поздние "математики". С другой стороны, известные греческие ученые Эпиген из Византии, Аполлоний из Миндуса, Артемидор из Париума объявляли себя учениками тех же халдеев и хвастались тем, что получили образование в их жреческих школах. В то же время в сердце Месопотамии были созданы центры греческой науки, а в древних обсерваториях Бела ученики знакомились с методами и открытиями астрономов Александрии или Афин. При Селевкидах и ранних Аршакидах Вавилон был эллинизированным городом, о чем свидетельствуют сделанные там эпиграфические находки. Об этом взаимопроникновении восточного и западного учения мы можем сегодня привести несколько поразительных доказательств. Итак, совсем недавно было показано, что ряд прогнозов, полученных на основе землетрясений, ударов молнии или хода Луны, были буквально переведены с ассирийских текстов на греческие "Бронтология" и "Селенодромия". ¹ Но, хотя реальность связи между двумя науками и псевдонауками неоспорима, остается трудность решить в каждом конкретном случае, какая из двух повлияла на другую.

Таким образом, утверждалось, что древние вавилоняне уже были знакомы с прецессией равноденствий, ¹ но изучение клинописных табличек выявляет очень важный факт, что они не знали об этом по крайней мере примерно до конца второго века до н.э. Следовательно, заслуга этого открытия явно принадлежит Гиппарху Никейскому (около 161-126), как утверждает традиция, и именно ему обсерватории Месопотамии были обязаны знаниями об этом. Но, с другой стороны, благодаря недавней публикации астрологических трактатов, можно показать, что некоторые открытия, до сих пор приписываемые Гиппарху, на самом деле обязаны своим происхождением некоторым подлинным халдеям. В одном исключительном случае мы можем обнаружить заимствование в самом акте и указать посредника, осуществившего перевод. Возможно, тогда некоторые подробности здесь не будут сочтены лишними. ²

Той частью астрономии, в которой вавилоняне продвинули своих исследователей дальше всего, вероятно, было определение хода Луны, что позволяло им предсказывать периодические повторные затмения. Несомненно, это было одно из самых древних занятий, на которое жители той страны направляли свою энергию. Син, бог Луны, был в их глазах более значительным божеством, чем само Солнце, Шамаш. До того, как была известна продолжительность года, фазы луны служили для измерения времени и установления дат священных календарей; более того, ночная звезда позволяла наблюдать за собой невооруженным глазом лучше, чем любая другая, и можно было почти непрерывно следить за ее извилистым курсом в небесах.

Тысячелетний опыт этого жречества астрологов мало-помалу привел их к составлению таблиц, которые достигли высокой степени точности в тот момент, когда при Александре греки вступили с ними в прямые отношения. Остатки этих таблиц были расшифрованы и истолкованы Ф. Х. Куглером, и, что удивительно, они открыли ему ошибку, которая была внесена в расчеты современных астрономов и увековечена в них. Старые обозначения халдеев позволили скорректировать каноны Орроизера! Примерно за 200 лет до нашей эры этим ученым жрецам удалось заранее определить не только даты фаз и затмений Луны, но и основные явления пяти планет. ¹ Хотя в целом склонен принижать ценность вавилонской науки, в противовес тем, кто ее чрезмерно преувеличивал, этот наиболее авторитетный современный интерпретатор ее восхищается видом этих огромных таблиц с их многочисленными колонками, расположенными в правильном порядке, цифры в которых переплетаются друг с другом, как шестеренки машины, и расположение которых изложено в пояснительных примечаниях. "Даже не знаю, - восклицает он, - чем восхищаться больше: необычайной точностью периодов, которая подразумевается при составлении каждой колонки цифр, или изобретательностью, с которой эти старые мастера ухитрялись сочетать все факторы, которые необходимо было учитывать". Еще до того, как клинописные надписи были расшифрованы, историки признали, что халдеи вывели из своих эмпирических наблюдений, накапливавшихся из поколения в поколение, теорию движения луны, которая повлияла на развитие греческих доктрин. Далее, очевидным доказательством этого служит тот факт, что в "Альмагесте Птолемея" ² цитирует, после Гиппарха, затмения 621, 523, 502, 491, 383 годов до н.э., наблюдавшиеся в Вавилоне, и первое из них было обнаружено отмеченным в ассирийском тексте. Насколько безоговорочно никейский астроном полагался на своих восточных предшественников, можно установить сегодня из некоторых цифр. Птолемей приписал Гиппарху чрезвычайно точный расчет лунных периодов; но оказалось возможным продемонстрировать, что продолжительность, которую он относит к различным месяцам, в точности соответствует той, которая изложена в клинописных табличках, а именно:

Средний синодический месяц 29 дней 12 часов 44' 31,3"

" звездный " 27 " 7 " 43' 14 "

" аномальный " 27 " 13 " 18' 34,9"

" драконтик " 27 " 5 " 5' 35,8"¹

Очевидно, что приоритет открытий принадлежит жителям Востока, равно как и приоритет неравенства продолжительности сезонов, о котором они прекрасно знали.

Но как эти данные и эти доктрины перешли с берегов Евфрата в греческие города? Кто был посредником между Гиппархом и вавилонскими жрецами? Недавно опубликованные документы раскрыли его имя. Страбон, говоря о школах астрономов, называемых "халдейскими", которые

существовали в различных городах Месопотамии, добавляет: 2 "Математики часто упоминают некоторых из них, таких как Кидены, Набурианы и Судины". Согласно Плинию 3 тот же Киденас признал, что Меркурий никогда не находится дальше, чем в 23° от солнца. Этот Киденас, вероятно, был современником Судина, жившего во второй половине третьего века до нашей эры.

Теперь астролог Веттий Валент, 4, писавший при Антонинах, рассказывает нам, что он пытался составить для себя канон солнца и Луны с целью определения затмений, но время подвело его, и "он решил использовать Гиппарха для солнца, а Судина, Кидена и Аполлония для луны". ... расставляя по своим местам равноденствия и солнцестояния в восьмом градусе знаков зодиака". Далее, отрывок из анонимного комментария к Птолемею 5 представляет Кидена как изобретателя эклиптического периода в 251 лунацию (синодический месяц) и 269 аномальных оборотов, авторство которого обычно приписывалось Гиппарху. Из этого трактата явствует, что Гиппарх не принимал одновременно, как считалось, два периода эклиптики, один большой, состоящий из 4267 лунных циклов и 4573 аномальных оборота, и один малый, составляющий одну семнадцатую первого, состоящий из 251 лунного цикла и 269 аномальных оборотов, но что он позаимствовал этот последний у Киденаса и, по-видимому, просто умножил его на 17, чтобы оно соответствовало почти точному числу лет, скажем 4612 звездных оборотов (345 лет) минус $7\frac{1}{2}^\circ$.

Теперь на лунной таблице, выгравированной во втором веке клинописью на 18 столбцах, шедевре точности, можно прочесть подпись Ки-дин-ну, и хотя обычные писцы добавляют имя своего отца, Ки-дин-ну ничего не добавляет: он астроном, которого все знали.

Скиапарелли уже подозревал, что этот персонаж связан с греческими киденами. Куглер определенно доказал это, 1 для эквивалентности 251 синодического и 269 аномальных месяцев, которые приписывает ему комментатор Птолемея, точно указано в этой таблице Кидинну, и далее в той же таблице равноденствия и солнцестояния помещены в 8-й градус знаков зодиака, как это сделал Валент, который цитирует каноны Киден. Для Гиппарха, напротив, началом весны является 0° Овна, но римские календари обычно принимали 8-й градус в соответствии с древним обычаем Вавилона.

Таким образом, Киденас или Кидинну принадлежит к той группе эллинизированных халдеев, наиболее выдающимся представителем которой является Берос, посвятивший себя в третьем веке до нашей эры задаче сделать доступными для греков сокровища знаний, которые содержались в клинописных документах, хранящихся в библиотеках их родной страны. На этих традиционных данных он основал гипотезу о новом периоде эклиптики, более правильную, чем гипотеза его халдейских предшественников, которой пользовался Гиппарх, а затем и Птолемей. Сами цитаты, взятые из его работ западными авторами, доказывают, что он приказал перевести их на греческий и что таким образом обогатил эллинскую астрономию этими лунными канонами, которым наблюдения, сделанные в Вавилоне на протяжении длительного периода веков, придали замечательную точность.

Таким образом, мы видим, как критические исследования постепенно определяют размер долга Греции Вавилону и подменяют осязаемыми реальностями огромные и призрачные призраки, блуждавшие в доисторических сумерках. Влияние древней восточной цивилизации проявлялось не только в области науки, но и в литературе. Проф. Дильс из Берлина недавно указал на¹, что часто сатирические сказки, в которых фигурируют деревья и растения, принадлежат к классу басен, популяризированных в Ассирии до того, как они были повторены Каллимахом в его ямбе и преемниками Эзопа. Кроме того, недавнее открытие арамейской рукописи пятого века на Элефантине позволило нам показать, как роман об Акихаре перешел с берегов Евфрата в еврейские общины Палестины и Египта (которым он послужил мотивом книги Товита) и достиг Греции, где Теофраст перенял его и увековечил мудрого Акихара. Но прежде всего Вавилон был для людей древности матерью астрономии и поклонения звездам. Именно в этом разделе больше, чем во всех других, можно показать, какую пользу греки извлекли из сформулированных ими научных теорий и из положительных данных, которые постепенно накапливались этими древними жрецами Месопотамии

Longa per assiduum complexi saecula curam. ²

Конструктивная логика греков в сочетании с терпеливым трудом местной расы породили в те дни на берегах Евфрата интеллектуальное движение, слишком малоизвестное, которое, возможно, достигло бы славы александрийской науки, если бы оно не было прискорбно остановлено во второй половине II века опустошительными действиями парфянского вторжения и разграблением Вавилона. Сами халдеи, освобожденные от традиций, свободно обсуждали принципы мироздания и конкурирующих сект, которые затем возникли в Борсиппе, Орхое и других местах; некоторые зашли так далеко, что отвергли как лживую саму астрологию, разработанную их предками. ¹ Самым замечательным представителем этого рационалистического движения является Селевк Селевкийский, который может быть либо греческим эмигрантом, либо коренным эллинизированным жителем. Отказавшись от тверди примитивных космогоний, он открыл бесконечные пространства безграничной вселенной для движения звезд. Возвращаясь к смелой гипотезе Аристарха Самосского и выдвигая новые аргументы в ее поддержку, он показал, что солнце является центром мира и что земля имеет двойное движение, вращаясь вокруг солнца и вокруг своей собственной оси; в то же время он предложил лучшее, чем кто-либо ранее, объяснение движения приливов, которое, без сомнения, он наблюдал в Персидском заливе, связав их с фазами Луны. Коперник, который формулировкой своей гелиоцентрической теории произвел "величайшую революцию в истории знания", похоже, не знал даже имени своего далекого предшественника.

Но научному рационализму этого Галилея древности было суждено подвергнуться осуждению. Этому противостояли сила тысячелетней традиции, тревожное суеверие толпы, надменные убеждения и мирские интересы могущественной касты священнослужителей. Будущее принадлежало компромиссу, который, уважая те древние верования, к которым было непоколебимо привязано большинство человечества, удовлетворял бы требованиям более всеобъемлющего разума. Эта формула примирения была открыта стоицизмом. Повсюду она посвящала себя задаче оправдания народных культов, священных повествований и ритуальных обрядов. В Греции без особого труда удалось примириться с куклами, скорее формалистическими, чем доктринальными, скорее гражданскими, чем моральными, в которых никакой авторитет не требовал согласия с определенными догмами. Система подходящих аллегорий могла бы легко придать богам или мифам физическую, этическую или

психологическую интерпретацию, которая примирила бы их с космологией или этикой Притвора. На Востоке, где более богословские религии всегда подразумевали более определенную концепцию мира, задача казалась гораздо менее легкой. И все же определенное глубокое сходство примиряло стоицизм с халдейскими доктринами. Независимо от того, способствовали они развитию идей Зенона или нет, они предлагают странную аналогию с его пантеизмом, который представлял эфирный Огонь как изначальный принцип и рассматривал звезды как чистейшее проявление его силы. Стоицизм рассматривал мир как великий организм, "симпатические" силы которого с необходимостью воздействовали друг на друга, и вследствие этого был вынужден приписывать преобладающее влияние небесным телам, величайшим и могущественнейшим из всех в природе, и его Эймармен, или Судьба, связанная с бесконечной последовательностью причин, легко соглашалась также с детерминизмом халдеев, основанным, как это было, на регулярности звездных движений. Таким образом, эта философия привела к замечательным завоеваниям не только в Сирии, но и в Месопотамии. Я напоминаю только тот факт, что одним из мастеров Притвора, преемником Зенона из Тарса в Афинах, был Диоген Вавилонский (около 240-150 гг.) и что позже другой выдающийся стоик, Архидем, основал знаменитую школу в самом Вавилоне (второй век до н.э.). Мы слишком мало знаем об их теориях, чтобы определить, какое место в них занимали верования страны их происхождения или их принятия. Мы видим только результат этого движения идей, которое должно было привести к вхождению астрологии и звездопоклонничества в философию Зенона. Для нас человеком, который почти в одиночку представляет это слияние Востока и Запада, является Посидоний из Апамеи, о котором мы поговорим в нашей следующей лекции,¹ но приготовления к этому слиянию, несомненно, были сделаны его предшественниками. Примечательно, что великий астроном Гиппарх, на научные теории которого, как мы только что видели, оказали непосредственное влияние халдейские знания, также был убежденным сторонником одной из ведущих доктрин звездной религии. "Гиппарх", - говорит Плиний, ² "никогда не получит всех похвал, которых он заслуживает, поскольку никто лучше не установил связь между человеком и звездами и не показал более ясно, что наши души - частицы небесного огня". В этом отрывке мы видим подтверждение еще во втором веке до нашей эры концепции, развитие которой мы прослеживаем в звездном мистицизме римского периода. ¹

Гиппарх видел разорение страны, где зародилась та наука, которую он просветил. Захваченная парфянами около 140 года до нашей эры, отбитая сирийским Антиохом VII в 130 году, вскоре после этого отвоеванная царем Фраатом, Месопотамия подвергалась ужасным опустошениям более четверти века. Вавилон, разграбленный и сожженный в 125 году, так и не вернул себе былого великолепия: прогрессирующий упадок привел его к медленной смерти от чахотки. Новые иранские князья не проявляли никакого интереса к культуре семитских жрецов. Огромные кирпичные храмы, когда рука реставратора убрала их, рассыпались в прах, один за другим погасли огни цивилизации, существовавшей на протяжении сорока веков, а от знаменитых городов Шумера и Аккада мало что сохранилось, кроме названия. Последняя астрономическая табличка с клинописью, с которой мы знакомы, датирована 8 годом до н.э., и Страбон,² говоря о Вавилоне примерно того же периода, применяет к нему стих поэта-комика: "Могучая пустыня - таков могучий город".

Отныне мы должны следить за развитием религиозных идей, заимствованных у древних халдеев, вдали от их родины, в Сирии, Египте и на Западе.

ЛЕКЦИЯ III. Распространение на Западе

Мы видели, как "панвавилонистский" туман, застилавший исторический горизонт, рассеялся под дуновением критики. Это не факт, что за тысячи лет до нашей эры халдеи создали ученую и глубокую космологию, которая установила свою власть над всеми окружающими народами. Но, тем не менее, их доля в интеллектуальном и религиозном развитии античности остается весьма значительной. Они являются создателями хронологии и астрономии. Они ухитрялись постепенно расширять свою теологию, чтобы привести ее в соответствие с их новой концепцией мира, и их астрология считалась методом прорицания *par excellence*. Их завоевания в области науки завоевали такой престиж их верований, что они распространились от Дальнего Востока до Дальнего Запада, и даже сейчас их власть не была полностью свергнута. Таинственными путями они проникли в Индию, Китай и Индокитай, где гадание по звездам практикуется и в наши дни, и, возможно, достигли даже примитивных центров американской цивилизации. В противоположном направлении они распространились в Сирию, Египет и по всему римскому миру, где их влияние преобладало вплоть до падения язычества и продолжалось в Средние века вплоть до рассвета нового времени. Именно это распространение по всему Западу мы быстро опишем в этой лекции.

Обмен религиозными идеями между двумя соперничающими империями в долинах Евфрата и Нила, несомненно, восходит, как и их политические отношения, к очень отдаленной древности. В пятнадцатом веке до нашей эры, в тот момент, когда, как показывают таблички Телль-эль-Амарны, вавилонский был дипломатическим языком всего Востока, а Египет распространил свою империю или сюзеренитет над княжествами Ханаан и Сирия, мы находим, что Аменофис IV предписал исключительное поклонение Солнцу как владыке неба и земли, защитнику его личности и его подданных любой национальности. Вполне возможно, что этот теологический фараон под влиянием семитского звездопоклонничества предпринял свою попытку реформирования египетского духовенства. Можно было бы привести множество других доказательств того, что верования и даже культы сирийцев нашли свое отражение в государстве фараонов. Но религиозные идеи, которые нас здесь особенно интересуют, появились поздно. Астрология была неизвестна в Древнем Египте: ее начали культивировать там только в персидский период, примерно в шестом веке. Господство, которое оно тогда приобрело, сумело сломить надменную сдержанность самых гордых и замкнутых людей в мире, и консервативное духовенство было вынуждено принять в свои ряды часовых дел мастеров и составителей гороскопов (урологов, уроскопоев), посвятивших себя изучению халдейской науки. История этого распространения подтверждает то, что мы говорили как о позднем периоде развития этой религии в Вавилонии, так и о непреодолимом престиже, который блестящие открытия астрономии придавали ей начиная с ассирийского периода. Эта иностранная религия постепенно натурализовалась в Египте: огромные зодиаки, украшавшие стены храмов, показывают, как жреческому учению удалось привить ученые доктрины халдеев к местным верованиям и придать им оригинальное развитие. Национальная гордость даже в конце концов убедила себя в том, что вся эта религиозная эрудиция была чисто местной. Примерно в 150 году до н.э. были составлены на греческом - несомненно, в Александрии - мистические трактаты, приписываемые легендарному царю Нечепсо и его доверенному лицу,

жрецу Петосирису, которые стали как бы священными книгами растущей веры в могущество звезд. Этим апокрифическим произведениям мифической древности суждено было приобрести невероятный авторитет в римском мире.

Бог Тот (Тот), греческий Гермес Трисмегист, стал в Египте открывателем мудрости составителей гороскопов, как и всех других видов мудрости. Но примирить астрологию с национальными верованиями, как это стремился сделать герметизм, было трудной задачей. Ибо астрология была не только методом гадания: она подразумевала, как мы уже говорили, религиозную концепцию мира и была неразрывно связана с греческой философией. Таким образом, герметические книги включают в себя не просто трактаты об ученых суевериях: это целостная теология, которой боги учат верующих в серии того, что можно назвать апокалипсисами. Эта малоизвестная литература, часто противоречивая, по-видимому, была создана между 50 годом до нашей эры и 150 годом нашей эры. Это имеет большое значение в связи с распространением по всей Римской империи определенных доктрин звездной религии, сформированных в соответствии с египетскими представлениями. Но это имело лишь второстепенное влияние. Эта форма язычества возникла или в основном развивалась не в Александрии, а среди соседних семитских народов.

Сирия, расположенная ближе Египта к Вавилону и Ниневии, была более ярко озарена сиянием этих великих центров культуры. Господство эрудированного духовенства, правившего там, рано распространилось на все окружающие страны, на восток - на Персию, на север - на Каппадокию. Но нигде это не было принято с такой готовностью, как среди сирийцев, которые были объединены с восточными семитами общностью языка и крови.

Сами названия Surioi, "сирийский", и Assurioi, "ассирийский", изначально идентичны, и долгое время греки не делали различия между ними. Равнины Месопотамии и Целесирии, населенные родственными расами, простирались за границы, не обозначенные природой, и, несмотря на все политические перипетии, отношения между великими храмами, расположенными к востоку и западу от Евфрата, продолжались без перерыва.

Трудно установить дату, когда влияние "халдеев" начало ощущаться в Сирии, но это определенно не позднее периода, когда владычество Саргонидов распространилось до Средиземноморья, то есть восьмого века до нашей эры; и, не соглашаясь с панвавилонистами, что истории Книги Бытия являются всего лишь астральными мифами, мы можем считать неоспоримым тот факт, что до Изгнания (597 г. до н.э.) Израиль получил от Вавилона, наряду с некоторыми астрономическими знаниями, определенные верования, связанные со звездопоклонничеством и религией. астрология. Мы знаем, что идолопоклонство неоднократно внедрялось в Сион. Таким образом, царь Манассия добился того, чтобы колесница Шамаша, бога Солнца, была принята туда; он осмелился посадить "Царицу Небес" рядом с Яхве. После Изгнания духовные связи между иудаизмом и великой религиозной метрополией, подчинившей его, продолжались. Еще в первом веке до нашей эры автор Книги Еноха в своих мнимых откровениях явно вдохновлялся вавилонской космологией и легендами.

Если Израиль, который с такой непреклонной решимостью отвергал все формы политеизма, тем не менее временно уступил престижу поклонения звездам, насколько эффективнее этот культ должен был установить свое влияние над семитскими племенами, которые оставались языческими? Под его влиянием они, как видно, приняли новые божества: Белу Вавилонскому поклонялись по всей северной Сирии. Древние божества также были сгруппированы заново: в

Иераполисе, как и в Гелиополисе и Эмесе, к первоначальной паре был добавлен новый член, Баал и Баалат, муж и жена, чтобы сформировать одну из тех триад, которые так любила халдейская теология. Но эта теология глубоко изменила, прежде всего, концепцию высших сил, которым поклонялись эти пастушеские или земледельческие племена. Наряду с их истинной природой, это придало этим богам вторую личность, которая стала не менее заметной из-за того, что была заимствована, а звездные мифы стали как бы переплетаться с аграрными мифами и вскоре стерли их с лица земли. Из владык клана и узкого района баалы были возведены в достоинство вселенских богов. Древний дух бури и грома, Баал Шаммин, обитавший в небе, становится Всевышним (У'псиостосом), вечным регулятором космических движений. ¹ Натуралистическое и примитивное поклонение, которое эти народы оказывали Солнцу, Луне и некоторым звездам, таким как Венера, было систематизировано доктриной, которая представляла Солнце, отождествляемое с Ваалами, рассматриваемыми как верховные боги — всемогущие Владыки мира, таким образом прокладывая путь на Востоке для будущей трансформации римского язычества. ¹

Не может быть никаких сомнений в том, что вавилонские доктрины оказали решающее влияние на эту постепенную метаморфозу и эту последнюю фазу семитской религии. Селевкидские князья Антиохии проявляли такое же почтение к науке вавилонского духовенства, как до них персидские Ахемениды. Мы находим Селевка Никатора, консультирующегося с этими официальными прорицателями о благоприятном часе для основания Селевкии на Тигре; и, если мы можем верить Диодору,² эти прорицатели сделали Александру, Антигону и множеству других монархов предсказания, которые сбылись в точности. Антиох, царь Коммагены, умерший в 34 году до н.э., построил на отроге горы Тавр, откуда открывался далекий вид на долину Евфрата, надгробный памятник, на котором, рядом с изображениями богов своих предков, он поместил схему своего рождения, изображенную на большом барельефе, ³ потому что его жизнь воплотила в жизнь все то, что было обещания этого гороскопа. Города Сирии часто чеканят на своих монетах определенные знаки зодиака, чтобы отметить тот факт, что они находились под их покровительством. Если князья и города таким образом признавали авторитет астрологии, мы можем себе представить, какой силой обладала эта научная теология в храмах. Мы можем сказать, что в александрийскую эпоху оно пронизывало все семитское язычество.

Но в империи Селевкидов наряду с этим "халдаизмом", если я осмелюсь использовать этот термин, эллинизм занял доминирующее положение. Помимо старых местных верований, доктрины стоицизма, в частности, господствовали над умами людей. Часто наблюдалось, что учителя школы стоиков по большей части являются выходцами с Востока. Сам Зенон родился в Китионе на острове Кипр. Среди его преемников Хрисипп и другие принадлежали к Тарсусу в Киликии. Диоген из Вавилона, Посидоний из Апамене, Антипатр из Тира - если упомянуть только ведущих представителей этих доктрин - все были сирийцами. В определенном смысле можно сказать, что стоицизм был семитской философией. Учитывая тот факт, что эта школа всегда в первую очередь заботилась о том, чтобы примириться с устоявшимися культами, априори несомненно, что восточное звездопоклонничество не оставалось чуждым ее системе. Если бы мы имели более точные знания об азиатской цивилизации эллинистического периода, мы

могли бы более точно оценить, чем Зенон и, прежде всего, его ученики обязаны халдейскому богословию и чем оно обязано им. Мы уже касались этого вопроса. ¹ Как бы то ни было, мы не можем следить за развитием этого движения идей, которое должно было окончательно ввести астрологию вместе со звездопоклонничеством в философию Стоа. Мыслитель, который является почти единственным представителем этих синкретических тенденций, несмотря на то, что они, несомненно, проявились задолго до него и в изобилии окружали его, - это Посидоний из Апамеи.

О самом этом человеке мы почти ничего не знаем. Родившийся в Апамее в долине Оронт около 135 года до н.э., после долгих путешествий в поисках знаний, которые привели его аж в Гадес (Кадис), он поселился на острове Родос, куда его учение привлекло большое количество греков и римлян, и умер в возрасте восьмидесяти четырех лет после активной карьеры, занявшей всю первую половину первого века. Был ли он чистокровным сирийцем, как Порфирий и Ямвлих в более поздние времена, или потомком македонских завоевателей? Был ли его родной язык греческим или арамейским? Мы хотели бы знать, но мы находимся в полном неведении относительно обстановки, в которой вырос этот великий человек; мы ничего не знаем о его обществе, ничего даже о его образовании, за исключением того, что он был учеником стоика Панетия.

Но ясно, что этот мастер, который в свое время обладал настоящим интеллектуальным суверенитетом, был обязан этому прежде всего масштабу своих знаний и широте своего понимания. Уроженец самого сердца Сирии, но натурализовавшийся как родосец, Посидоний во всей полноте олицетворял союз семитской традиции с греческой мыслью. Он был великим посредником не только между римлянами и эллинами, но и между Востоком и Западом. Воспитанный на Платоне и Аристотеле, он был одинаково сведущ в азиатской астрологии и демонологии. Если он грек по созидательной силе своего спекулятивного гения, по гармоничному течению своего обильного и ярко окрашенного стиля, то его гений оставался восточным в странном сочетании самой точной науки с пылким мистицизмом. Будучи скорее теологом, чем философом, с умом скорее образованным, чем критичным, он направил все человеческие знания на создание великой системы, преодолением которой было восторженное поклонение Богу, пронизывающему вселенский организм. В этом обширном синкретизме все суеверия, народные или жреческие, прорицания, гадания, магия находят свое место и свое оправдание; но прежде всего именно благодаря ему астрология вошла в последовательное объяснение мира, приемлемое для самых просвещенных умов, и что она прочно базировалась на общей теории природы, от которой ей суждено было впредь оставаться неотделимой.

Почти полная утрата трудов Посидония мешает нам оценить, разве что несовершенно, убедительную силу его учения. Но эхо его слов разнеслось далеко по римским владениям, где его авторитет уравнивал авторитет Эпикура. В своей школе на Родосе он долгое время был мастером среди мастеров мира - Помпей слушал его, Цицерон посещал его лекции, - и его влияние на развитие более поздней теологии было огромным в нескольких направлениях. Его ученик, Цицерон, часто вспоминает о его учении и переводит его идеи на латынь. Символизм

еврея Филона часто вдохновляется его живописным красноречием. Еще позже его идеи проникают в школу стоиков и распространяются по ней - мы видим их, например, в работах Сенеки, - и они находят отражение в трактатах астрологов императорской эпохи.

Самое поразительное из литературных произведений, на которые он вдохновил, - "Астрономия" так называемого Манилия, писателя, о котором мы абсолютно ничего не знаем, даже его имени, искаженного в рукописях, но который был по-своему подлинным поэтом: произведение поразительного вдохновения, где блеск описаний расцветает в дебрях сухой "математики", где страстный энтузиазм перед чудесами науки заставляет нас забыть, что эта наука ложна, где высокие интеллектуальные амбиции и безграничная вера в силу разума сочетаются со слепым и ребяческим энтузиазмом. доверчивость, которая принимает все предсказания, полученные по звездам, - этот труд лучше, чем какой-либо другой, раскрывает нам величие такой системы мира, какая была задумана Посидонием, и привлекательность, которой пользовалась эта ученая космология, подкреплённая мистической верой в астрологию, предсказательницу будущего.

Стихотворение посвящено Тиберию, который, возможно, предложил его композицию, и некоторые предложили увидеть в нем "выражение официальной религии того времени".¹ Очевидно, что первые цезари, даже в большей степени, чем старая республиканская аристократия, среди которой Посидоний насчитывал так много последователей, были склонны принять идеи того, кто порвал со старым национальным партикуляризмом, чтобы включить культы всех рас в один обширный синтез и, казалось, дать объединенной Империи формулу теологии будущего. Достаточно характерно, что Август, так же как и Тиберий, уже был обращен к астрологии, и мы увидим, как более поздние правители предоставили официальную защиту звездной религии.

С тем же движением идей, которое было инициировано или представлено Посидонием, было связано возрождение странной секты неопифагорейцев, которая вновь появилась на Востоке в первой половине первого века до нашей эры. Хотя по своему идеалу религиозной жизни оно заявляло, что связывает себя со старым пифагорейским мистицизмом, его доктрина в большей степени обязана теориям, разработанным Посидонием, особенно в его комментарии к "Тимею", и оно многое заимствовало либо через великого Сирина, либо даже непосредственно, из восточных религий. Ярко выраженный дуализм, противопоставляющий душу телу, и, как следствие, моральный аскетизм, учение о вечности вселенной и влиянии звезд на постоянные изменения подлунного мира, вера в воздушных демонов, которые оскверняют и мучают человечество, но прежде всего - и это центральный пункт и сердцевина его догматической системы - символизм чисел, которым приписывается активная сила и мистическое могущество, - все эти существенные черты указывают на необычайно тесную связь неопифагоризма с "халдейским" учением. теология. Характерно, что человек, который первым возродил в Риме старую южноитальянскую философию, Нигидий Фигул, друг Цицерона, проявляет любопытный интерес к магии и оккультным знаниям, а также горячую преданность астрологии, и что он был первым, кто объяснил на латыни значение "варварской сферы", то есть ряда созвездий, не признанных греческими астрономами, но принятых в восточной уранографии.¹

Но эти группы культурных теософов обращались сами к себе только к ограниченному кругу "интеллектуалов". В целом новая звездная религия с самого начала приветствовалась высшими классами: она культивировалась аристократией как крови, так и интеллекта. Если бы ее

продолжали проповедовать только теоретики политеизма, она оставалась бы, как и в Греции, исключительной прерогативой немногих спекулятивных умов. Даже вдохновение такого полуофициального поэта, как Манилий, вряд ли снискало бы ему благосклонность императорского двора. И все же он приобрел широкую популярность. Своим влиянием на массы она не была обязана литературному распространению, каким бы ни был успех некоторых романов, вдохновленных ею, таких как "Жизнь Аполлония" Филострата и, в еще большей степени, "Эфиопы" Гелиодора. У нее были на службе другие миссионеры, чья активная пропаганда распространяла ее среди смешанного населения городов, а также среди множества рабов, обрабатывавших загородные поместья. Этими популярными пропагандистами были духовенство и приверженцы восточных культов.

К началу нашей эры, когда мир и единство древнего мира были обеспечены основанием Империи, началось развитие этого великого религиозного движения, которое мало-помалу должно было ориентализировать римское язычество. Боги народов Леванта один за другим навязывали себя Западу. Кибела и Аттис были перевезены из Фригии, Исида и Серапис отправились туда из Александрии. Торговцы, солдаты и рабы привезли Баалов из Сирии и Митру, иммигранта из самого сердца Персии. В другом томе мы попытались показать, в каком отношении каждый из этих чужеземных культов обогатил вероучения Рима. ¹ Момент, который я хочу здесь подчеркнуть, заключается в том, что все они, независимо от их происхождения, в разной степени находились под влиянием астрологии и звездопоклонничества. Эти доктрины, как мы видели, выросли в храмах Сирии и Египта и все больше и больше трансформировали теологию этих стран. Первоначально мистерии Исиды и Сераписа, учрежденные при первом Птолеме, отводили им лишь ограниченное место, но во времена Нерона его учитель Херемон, александрийский священник и философ-стоик, заново открыл в религии Египта поклонение силам природы и, в частности, звездам, и снова нашел в молитве средство спасения людей от фатальности, которую налагало на них влияние небесных тел. Даже в Малой Азии, где звездный культ возник сравнительно недавно, член многочисленной семьи фригийских прелатов прославляет в стихах звездное прорицание, которое позволило ему широко публиковать безошибочные предсказания. Аттис, анатолийское божество растительности, в конце концов стал богом солнца, точно так же, как Серапис, Ваалы и Митра. В очень ранние времена, даже в Месопотамии, поклонение звездам было навязано персидскому маздаизму, который все еще был собранием традиций и обрядов, а не сводом доктрин, и набор заумных догм был наложен на натуралистические мифы иранцев. Мистерии Митры принесли в Европу это сложное богословие, возникшее в результате общения между магами и халдеями; и знаки зодиака, символы планет, эмблемы стихий время от времени появляются на барельефах, мозаиках и росписях их подземных храмов. Мы находим, что один из представителей их духовенства провозглашен в своей эпитафии в миланской астрологической студии. ² Жрецы персидского бога и так называемых "Юпитеров" Сирии внесли большой вклад в триумф этой псевдонауки, которая к эпохе Севера приобрела почти бесспорное господство даже в латинском мире.

Здесь это больше не представляется ученой теорией, преподаваемой математиками, но как священное учение, открытое adeptам экзотических культов, которые все приняли форму мистерий. Доктрина, которая таким образом сообщается посвященным в тусклом свете храмов,

несомненно, оставалась более священной, чем, например, Тетрабиблос Птолемея, сухой дидактический трактат, который никогда не мог способствовать какому-либо благочестию. Здесь было оставлено больше места мифологии, мистицизму, этике и суевериям. Эта теология, однако, не избежала преобладающего влияния греческой философии, как и идей наиболее образованных заклинателей туземцев, - это факт, который удалось доказать исследованиям. На самом деле эти мистерии, которые заявляли, что являются хранителями древней традиции, привезенной с Дальнего Востока, постоянно модифицировали свое учение, чтобы приспособить его к изменившимся временам и среде; и если мудрость, которую они открывали, всегда считалась божественной, она, тем не менее, заметно менялась с течением веков и допускала идеи, совершенно чуждые ее первоначальному содержанию. Это было необходимым следствием тесного союза знания и веры, который, как мы уже говорили, характеризует восточные религии. Они всегда были выражением определенной концепции мира, которая определяла отношения неба и земли и обязанности верующих по отношению к богам. Следовательно, они должны были изменяться в соответствии с эволюцией физических или метафизических идей. Если греческая мысль могла получать определенные импульсы или внушения от храмов Сирии и Египта, она, в свою очередь, вторгалась в них как завоеватель; и стоицизм, в частности, определенно давал им больше, чем получал от них. Великое интеллектуальное движение, не столько инициатором, сколько самым выдающимся представителем которого был Посидоний, несомненно, сочетало благочестие и философию, но оно также привнесло философию в благочестие. Ученая и мистическая система учения, которую Манилий и другие проповедовали при Тиберии, навязалась всему западному язычеству в течение последующих столетий; и мы можем сказать, принимая во внимание определенные модификации, что эта наполовину научная, наполовину религиозная система, утвердившаяся в александрийский период, продолжала оставаться теологией мистерий вплоть до времени их исчезновения, даже после появления неоплатонизма.

В качестве характерного произведения этой мешанины идей можно процитировать халдейских оракулов,¹ происхождение которых до сих пор остается загадкой, но которые, по-видимому, были составлены во втором веке нашей эры. В этих произведениях фантастического мистицизма, в которых вся неоплатоническая школа видела откровение высшей мудрости, древние верования семитского звездопоклонничества сочетаются с эллинскими теориями. Они для Вавилона то же, что герметическая литература для Египта.

Таким образом, триумф восточных религий был одновременно триумфом астральной религии, но для обеспечения признания всеми языческими народами ему требовалась официальная санкция. Влияние, которое она приобрела среди населения, было окончательно обеспечено, когда императоры оказали ей заинтересованную поддержку. Тот апофеоз, благодаря которому с самого начала принципата умершие принцы возносились к звездам, вдохновлен как по форме, так и по духу азиатскими доктринами. Мы видели, что уже Август и особенно Тиберий позволили обратить себя к идеям учеников Посидония. Но они оставались враждебными к популярным формам иностранного богослужения, по крайней мере в своей столице. Их идеал, который был исключительно политическим, - восстановление старой римской веры и уважение к чисто практическому культу города. Но по мере того, как цезаризм все больше и больше

трансформировался в абсолютную монархию, он все больше и больше склонялся к поддержке восточного духовенства. Эти жрецы, верные традициям Ахеменидов и фараонов, проповедовали доктрины, которые имели тенденцию возвышать монархов над человечеством, и они снабжали императоров догматическим оправданием их деспотизма. Старый принцип суверенитета народа, первоначальная форма цезаризма, был заменен обоснованной верой в сверхъестественные влияния. Император - это образ Солнца на земле, подобно ему непобедимый и вечный (*invictus, aeternus*), как гласит его официальный титул. Уже в глазах вавилонян Солнце было царственной планетой, и именно оно в Риме продолжает наделять своих избранников достоинствами суверенности и предназначает им трон с момента их появления на земле. Он остается в тесном общении с ними, он их спутник (приходит) и их сородич, ибо они объединены общностью природы. Можно сказать, что они единосущны; и в третьем веке монарху поклонялись как "богу и повелителю по праву рождения" (*deus et dominus natus*), который сошел с небес по милости Солнца и по его милости вознесется туда снова после смерти. Идея о том, что душа монарха в тот момент, когда судьба заставила ее спуститься в этот мир, получила от Дневной Звезды свою суверенную власть, привела к выводу, что он участвовал в могуществе этого божества и был его представителем на земле. Таким образом, примечательно, что князья, громче всех заявлявшие о своих автократических притязаниях, Домициан или Коммод, были также теми, кто наиболее открыто одобрял восточные культы.

Эти культы достигли зенита своего могущества, когда приход северян принес им поддержку наполовину сирийского двора. Почти полвека, с 193 по 235 год нашей эры, Империей управляла семья Эмеса, древнее жреческое государство, где на краю сирийской пустыни возвышался великолепный храм Элагабала. Умные и амбициозные принцессы Юлия Домна, Сохемиас, Маса и Маммея, чье интеллектуальное влияние было столь значительным, стали миссионерами своей национальной религии. Чиновники всех рангов, сенаторы и офицеры, соперничали друг с другом в преданности богам, которые защищали их государей и были ими защищены. Вы все знаете смелое провозглашение 218 года н.э., в результате которого на трон взошел четырнадцатилетний мальчик, жрец Элагабала, чье имя он носил. Греки называли его Гелиогабалом, чтобы напомнить о солнечном характере этого бога. Этому варварскому божеству, до сих пор довольно малоизвестному, он стремился придать первенство над всеми остальными. Древние авторы с возмущением рассказывают, как этот коронованный жрец желал возвысить черный камень своего бога, грубого идола, привезенного из Эмесы, до ранга суверенного божества Империи, подчинив весь пантеон древности Солу Непобедимому Элагабалу, как его называют в надписях. Попытка Гелиогабала установить на небесах своего рода солнечный монотеизм, соответствующий монархии, правившей на земле, была, несомненно, слишком жестокой, бестактной и преждевременной: она потерпела неудачу и спровоцировала убийство своего автора.

Но это соответствовало стремлениям того времени, и оно было возобновлено полвека спустя, на этот раз с полным успехом. В 274 году Аврелиан был вдохновлен той же идеей, когда создал новый культ "Непобедимого Солнца". Ему поклонялись в великолепном храме, ему служили понтифики, которые были подняты до уровня древних понтификов Рима, каждые четвертый год он отмечался великолепными играми, и *Sol Invictus* был окончательно возведен в высший ранг в божественной иерархии и стал официальным защитником Государей и Империи. Страной, в которой Аврелиан обнаружил модель, которую он стремился воспроизвести, была Сирия, где он одержал решающую победу над знаменитой царицей Зенобией: он поместил в свое новое святилище изображения Бела и Гелиоса, захваченные им в Пальмире. Устанавливая этот новый

Государственный культ, Аврелиан фактически провозгласил свержение старого римского идолопоклонства и приобщение к семитскому солнцепоклонству.

С Констанцием Хлором (305 г. н.э.) на трон взошла солнечная династия, которая, связав себя с Клавдием II Готиком, приверженцем культа Аполлона, утверждала, что Сол Инвиктус является ее особым защитником и предком. Даже христианские императоры Константин и Констанций не совсем забыли о притязаниях, которые они могли черпать из столь знатного происхождения, а последний язычник, занимавший трон цезарей, Юлиан Отступник, оставил нам речь, в которой в стиле тонкого богослова и горячего приверженца он оправдывает поклонение королю Звезде, духовным сыном и посланным небом защитником которого он считал себя.

Если в заключение мы окинем беглым взглядом весь ход экспансии, который мы попытались описать, мы будем поражены силой этой звездной теологии, основанной на древних верованиях халдейских астрологов, преобразованной в эпоху эллинизма под двойным влиянием астрономических открытий и стоической мысли и возведенной, после превращения в пантеистическое солнцепоклонничество, в ранг официальной религии Римской империи. Проповедуемый, с одной стороны, литераторами и деятелями науки в культурных центрах, распространяемый, с другой стороны, среди основной массы людей служителями семитских, персидских или египетских богов, он, наконец, пользуется покровительством императоров, которые находят в нем одновременно форму поклонения, подходящую для всех их подданных, и оправдание своих автократических притязаний.

Таким образом, астрологическая концепция жизни и мироустройства проникла во все общество и, в частности, произвела революцию в верованиях латинского мира. Несмотря на все спекуляции метафизиков, массы в целом оставались верны старому идолопоклонству республиканского периода. Восточная теология привела к преобладанию более возвышенного представления о Боге. На закате античности общим вероучением всех язычников стал научный пантеизм, в котором бесконечная сила божества, пронизывающая вселенную, проявлялась во всех элементах природы. В следующих лекциях нам придется более внимательно изучить эту концепцию мира, связанную с ней теологию и вытекающие из нее моральные и эсхатологические идеи.

ЛЕКЦИЯ IV. Теология

Посидоний определял человека как "созерцателя и толкователя небес". ¹ Сама природа - древние наперебой настаивали на этом пункте - предназначила ему созерцать небо и наблюдать его вечное движение. Другие животные склоняются к земле, но человек гордо поднимает глаза к звездам - это идея, которая повторяется раз за разом. Его глаз, чудо человеческого тела, крошечное зеркальце, в котором отражается необъятность, врата души, открытые навстречу бесконечности, следит отсюда, снизу, за далекими эволюциями небесных армий. Древние астрономы, которые не пользовались телескопом, восхищались силой зрения, а древние выражали свое изумление дальностью обзора, достигавшей самых отдаленных

созвездий. Они придают ему превосходство над всеми другими органами чувств, ибо глаза являются для них посредниками между звездными богами и человеческим разумом. Пораженный светом свыше, сила зрения посвящает себя слежению за движениями этих сияющих тел, которые движутся над нами. Он устанавливает, что движение солнца, вызывающее смену времен года, фазы луны, восход и заход неподвижных звезд, даже движение планет, которые кажутся блуждающими звездами, - все это регулируется неизменными законами и воспроизводится в соответствии с неизменными периодами времени. На небесах никогда не бывает отклонений или ошибок, там ничто не движется без замысла. Разум, размышляющий о чудесных явлениях, воспринимаемых глазом, понимает, что они не могут быть вызваны случайностью или действием слепой силы, но признает, что ими управляет божественный разум. Непрерывная гармония столь разнообразных движений немыслима без вмешательства направляющего Провидения. Сами звезды так ясно доказывают нам свою божественность, что не видеть этого - значит быть неспособным видеть что-либо. Никто не мог бы отказать небесным телам в обладании разумом, не будучи сам лишенным его: таково, по крайней мере, мнение Цицерона. ¹ Таким образом, вид звездного неба привел к появлению астрономии и философии, которые являются царицами наук, одна из которых относится к области видимого, другая - к области идей; и изучение их - самое благородное занятие, на которое человек может направить свои способности.

Мы видели, что со времен Платона и Аристотеля и даже раньше, ² Греческие мыслители доказывали божественность звезд характером их движения, и в целом все метафизики указывают на порядок в природе как на доказательство существования Бога. Сам Вольтер в Философском словаре использует выражения по этому предмету, от которых не отказались бы древние. Но что характеризует древние идеи, так это тот факт, что они тесно связывают веру в богов с наблюдением неба. Астрономия здесь служит введением в теологию. Эта звездная религия, разработанная эрудированным духовенством, всегда сохраняла отпечаток своего ученого происхождения.

Основное качество этих звездных богов, на котором чаще всего настаивают, заключается в том, что они вечны. Мы видели, что астрономия привела древних халдеев к этому представлению. ³ Неизменность оборотов небесных тел привела к выводу, что они вечны. Звезды непрерывно следуют своим нескончаемым курсом; достигнув предела своего пути, они без перерыва возобновляют уже начатую гонку, и циклы лет, в соответствии с которыми происходят их движения, удлиняются до бесконечности в прошлом и продолжаются до бесконечности в будущем. Таким образом, астрономическое духовенство неизбежно считало небесных богов "хозяевами вечности" или "теми, чье имя восхваляется во веки веков" - эти титулы постоянно встречаются в надписях на сирийском Ваале. Звезды, которым поклонялись сирийцы, не умирали, как Осирис в Египте или Аттис в Малой Азии: каждый раз, когда им казалось, что они тонут, они возрождались к новой жизни, всегда непобедимые. Это теологическое понятие проникло вместе с астрологией в римское язычество. Так же часто, как посвящение *deus Aeternus*, оно относится к звездному, чаще всего сирийскому, богу. Эпитет *aeternus* дополняет и объясняет эпитет *invictus*, который, как и первый, применяется к звездам вообще и особенно к

Солнцу. Эти небесные силы всегда с триумфом выходят из своей борьбы с тьмой; находясь под постоянной угрозой, они были, остаются и будут всегда побеждать.

Примечательно, что только во втором веке нашей эры этот определяющий эпитет *aeternus* входит в ритуальное употребление одновременно с распространением культа бога Неба (*Caelus*). Тщетно философы долгое время выводили Первопричину за пределы временных ограничений: их теории не произвели впечатления на массовое сознание, и им не удалось изменить традиционный формуляр богослужений. Для множества божества оставались существами более красивыми, более энергичными, более могущественными, чем люди, но рожденными подобно им и сохраненными только от разложения и смерти. Семитские священники популяризировали по всему римскому миру идею о том, что Бог не имеет начала и конца, и таким образом, наряду с еврейским прозелитизмом, способствовали приданию авторитету религиозной догмы тому, что до сих пор было всего лишь метафизической теорией.

Важность, придаваемая этой идее, позволяет нам понять, что она применялась даже к богам, жившим на земле, в которых видели образ или проявление солнца. Императоры, душа которых спустилась на землю с небес и должна вновь вознестись туда после смерти, начиная со второго века называются не только *invicti*, но и *aeterni*, подобно звездам, с которыми они соединены идентичностью природы. Это выражение было введено в официальный словарь, и в конечном итоге к монарху стали обращаться "Ваша вечность", почти так же естественно, как мы говорим "Ваше величество", хотя этот эпитет, применяемый к недолговечным принцам, которые в третьем веке мелькали по трону, как тени по экрану, кажется почти жестоко ироничным.

Однако это всего лишь политическая карикатура на великую религиозную идею, - идею, которая взывала к воображению и которую также переняла поэзия. Манилий¹ противопоставляет постоянство небес бренности земных вещей:

Престолы гибли, народы переходили от господства к рабству, от плена к империи, но в одни и те же месяцы года на горизонте всегда появлялись одни и те же звезды. Все, что подвержено смерти, также подвержено изменениям, годы утекают, и земли становятся неузнаваемыми, каждое столетие меняет черты народов, но Небеса остаются неизменными и сохраняют все свои части; бег времени ничего к ним не добавляет, и возраст ничего у них не отнимает. Оно останется неизменным навсегда, потому что всегда было неизменным. Таким оно предстало глазам наших предков, таким его увидят наши потомки. Это Бог, ибо он неизменен на протяжении веков.

Люди на этом не остановились, но, отделив вечность от звезд и небес, самым высоким качеством которых она была, они почитали саму эту вечность как божество. Это не просто абстракция, подобная Справедливости, Милосердию или одной из многих других абстракций, которые придумали римляне и которым они пылко поклонялись, несмотря на то, что на своих монетах они изображали Вечность. Путь, который привел к этому поклонению, более сложен, и его истоки восходят к очень ранней стадии мышления. Время, когда появилось это понятие, отсутствующее у многих дикарей, не определялось как концепция разума, или, по выражению Канта, "априорная форма концепции". Это существо, которое существует само по себе, которое иногда даже рассматривается как материальное тело и которое наделено собственной активностью. "Зенон, - говорит Цицерон,² "приписывал божественную силу (*vis divina*) звездам, но также годам, месяцам и временам года". Здесь мы имеем дело с очень древней верой, которая встречается, например, в Египте. Магическая идея о силе, превосходящей человека, с

самого начала связана с обозначением времени, Календари имели религиозное значение до того, как приобрели светское значение: их первоначальной целью было не обеспечение измерения скользящих моментов, а указание на повторяемость благоприятных или неблагоприятных дат, разделенных периодическими интервалами. Эмпирическим фактом является то, что возвращение фиксированных моментов связано с возникновением определенных явлений: легко поверить, что одно является причиной другого. Поэтому они обладают особой действенностью, сакральным характером. ¹ Астрономия установила продолжительность этих периодов со все возрастающей точностью: она не только различала последовательность дней и ночей, но и месяцев, соответствующих оборотам Луны, и лет, соответствующих оборотам солнца. Его прогресс привел к разделению дня на два периода по двенадцать часов каждый. Все эти периоды по-прежнему считались имеющими определенное влияние, наделенными магической силой, и астрология стремилась систематизировать эти действия, помещая каждый отрезок времени под защиту звезды в своей системе "хронократориев".

Когда возникла идея Вечности, более обширной, чем сумма лет и столетий, она также рассматривалась как божество. "Общее мнение", - говорит Прокл,² "делает Часы богинями, а Месяц - богом, и поклонение им передано нам: мы также говорим, что День и Ночь - божества, и сами боги научили нас, как обращаться к ним. Разве из этого не следует, что Время также должно быть богом, поскольку оно включает в себя одновременно месяцы и часы, дни и ночи?"

На самом деле бесконечность Времени была возведена в ранг Высшей Причины не только отдельными мыслителями, но и восточными культами. Вы все знаете по имени Зерван Акarana, "Неограниченное время", которое секта персидских магов считала Первым Принципом. Это учение, получившее развитие в Месопотамии, было принято мистериями Митры и перешло вместе с ними на Запад, где этот бог был представлен в виде чудовища с головой льва, что указывало на то, что он пожирает все сущее. Как и следовало ожидать, поклонение Времени там тесно сочеталось с поклонением "вечному Небу" (Caelus aeternus), чьи вращения отмечали его вечный ход, и, как владыку всего сущего, его иногда отождествляли с Судьбой, чья непреодолимая активность проявлялась в бесконечном движении звезд.

Каждая часть Бесконечности вызывает какое-либо благоприятное или неблагоприятное движение небес, за которым с тревогой наблюдают, и эти движения непрестанно изменяют земной мир. Столетия и годы, каждое из которых подвержено влиянию звезды или созвездия, времена года, связанные с четырьмя ветрами и четырьмя сторонами света, двенадцать месяцев, в течение которых правят знаки зодиака, День и Ночь, двенадцать часов - все это персонифицировано и обожествлено, поскольку является причиной всех изменений во Вселенной.

Аллегорические фигуры, изобретенные астрологическими культами для представления этих абстракций, вошли в обиход при Империи. Этот символизм даже не умер вместе с идолопоклонством: он был принят христианством, несмотря на то, что на самом деле противоречил его духу, и вплоть до средневековья эти символы падших богов воспроизводились до бесконечности в скульптуре, мозаиках и миниатюрах, и можно сказать, что старые суеверия халдеев все еще увековечены современным искусством.

Как и деление Времени, числа были божественными по аналогичной причине. Древние говорили, что они были открыты человечеству по движению звезд. ¹ На самом деле прогресс

математики часто должен был быть результатом прогресса астрономии, и первая участвовала в сакральном характере последней. Таким образом, определенные числа по астрономическим причинам считались наделенными особой силой: семь и девять, которые составляют четвертую и третью части месяца, снова семь и двенадцать, потому что они соответствуют планетам и знакам зодиака, триста шестьдесят, потому что это было - приблизительно - количество дней в году. Этим фигурам приписывалась особая эффективность; таким образом, в магических заклинаниях было необходимо повторять действующую формулу определенное количество раз, чтобы она могла произвести желаемый эффект. Математика также в значительной степени использовалась в астрологических гаданиях (*mathematici* на латыни является синонимом халдеев), и они служили основой или предлогом для тонкого и экстравагантного символизма. Таким образом, очень часто имя заменяется числовым эквивалентом, то есть суммой его букв, рассматриваемых как цифры и суммируемых вместе. Но, несмотря на это использование и злоупотребления, связанные со звездной религией или, по крайней мере, с суевериями, существует большая разница между числами и разделением Времени: первые могли быть священными, их никогда нельзя было обожествлять, им не поклонялись, и художественные изображения их не представлялись.

Сказанное подчеркивает важность, придаваемую адептами звездопоклонничества идее божественной вечности, - важность, показанную тем фактом, что некоторые действительно сделали это высшим принципом своей религии. Но был и другой божественный атрибут, соответствующий первому. Звезды - не только вечные боги, но и вселенские, их могущество безгранично как в пространстве, так и во времени. Уже в Сирии Баалы, ставшие солнечными божествами, носили титул Мар'олам, что можно перевести как "Владыка Вселенной", а также "Владыка Вечности", и людям, несомненно, нравилось приписывать им это двойное качество. 1 Земным гениям или демонам, охранявшим определенные места, противопоставлялись небесные боги, которые являются "католиками". Это слово, которому суждено было иметь такое великое предназначение, сначала было просто астрологическим термином: оно обозначало деятельность, которая не ограничивается отдельными людьми или конкретными событиями, но применима ко всему человечеству и ко всей земле.

На самом деле все подвержено изменениям, вызванным вращением звезд. Все события в этом мире определяются звездными влияниями. Преобразования природы, как и склонности и действия человека, происходят из-за фатальных энергий, обитающих в небе. Отсюда с необходимостью вытекает не только идея универсальности, но и идея всемогущества звездных божеств. Семитские культы распространили по всему латинскому миру концепцию абсолютного, неограниченного владычества Бога над землей. Апулей Мадаврский называет сирийскую богиню "*omnipotens et omniparens*", всемогущей и всепроизводящей.

Но здесь мы должны провести различие: если все боги одинаково вечны, то все они не могут быть универсальными и всемогущими в одинаковой степени. Несомненно, Судьба властвует над всем миром, и небесные сферы своими совместными движениями являются авторами всего, что было, есть и грядет. Но эта неограниченная сила должным образом принадлежит только ансамблю космической гармонии. Она пребывает в Целом, рассматриваемом как

божественное, она проявляется в большей или меньшей степени в различных его частях. Возможно, вы помните начало "Парадизо" Данте:

La gloria di colui che tutto muove
Per l' universo penetra e risplende
In una parte più e meno altrove.
Nel ciel che più della sua luce prende,
Fu' io. . .

Поэт Средневековья всего лишь выражает здесь астрологическую концепцию. Звездное небо - главное вместилище божественной энергии и света, которые распространяются по всему миру. Но не все звезды обладают равной долей его силы: только некоторые из них или даже одна из них может быть должным образом названа "католической" и всемогущей (пантократор). Мы переходим к рассмотрению этих различных божеств.

Высочайший из этих богов - Небеса (Ойранос, Целус), "Summus ipse deus", - говорит Цицерон,¹ "arcens et continens ceteros", то есть небо неподвижных звезд, которое охватывает все остальные сферы. Божественная Сила, которая там пребывает и которая заставляет его двигаться, иногда отождествлялась на Западе с Бэллом, то есть с Зевсом, а в латинских странах призывалась под титулом "Optimus Maximus Caelus Aeternus Iupiter". Движение этого неба было непрерывным вращением, а не движением вперед-назад, как у планет, и, придавая моральный смысл слову "плоскости", люди говорили, что, поскольку оно не блуждает и не ошибается, следовательно, оно не подвержено ошибкам, и что эта непогрешимость является доказательством его божественности. Некоторые теологи, связывая это с бесконечным Временем, представляли Небеса как высшую силу мира.

Огромный небесный шар обожествлялся как в целом, так и по частям. Двум его частям, попеременно темным и светящимся, поклонялись в виде диоскуров. Сыновья Тиндарея, согласно греческой легенде, по очереди делили жизнь и смерть и стали в глазах теологов олицетворением двух полушарий.

Но каждое из созвездий, каждая звезда, мерцавшая на вечном своде, были одинаково божественны. У каждого был свой миф. Как мы уже говорили,¹ традиционные фигуры, которые мы воспроизводим на наших небесных картах, являются ископаемыми остатками пышной мифологической растительности. Звездные чудовища, которым приписывались могущественные добродетели, были остатками ряда забытых верований. В храмах прекратилось поклонение животным, но Лев, Бык, Орел, Рыбы, которых восточное воображение распознало в причудливом расположении звезд, продолжали считаться священными. Древние тотемы семитских племен или египетских номов сохранились в виде созвездий. Разнородные элементы, заимствованные из всех религий Востока, были объединены в древней уранографии, и в силе, приписываемой вызываемым ею фантомам, повторялось эхо старомодных культов, которые часто остаются нам неизвестными.

Затем пришли греки, которые заявили, что включили этих небесных существ в свою национальную религию. Им удалось украсить небо, не слишком утруждая себя тем, чтобы отличать свои собственные изобретения от тех, которые они почерпнули из иностранной традиции. "Катастеризм", то есть "перевод на звезды", был удобным методом придания астрономического завершения древним басням. Таким образом, поэтические сказки, в которые верили лишь наполовину, представляли сказочных героев и даже членов человеческого общества живущими на небесах в виде сверкающих созвездий. Там Персей снова нашел Андромеду, а кентавр Хирон, который не кто иной, как Лучник, побратимствовал с Орионом, гигантским охотником. "Баран был знаменитым бараном с Золотым руном, который унес Фрикса и Геллу за море и позволил девушке упасть в волны Геллеспонта. Это также могло быть то, что было предметом спора между Атреем и Фиестом, или, опять же, это мог быть баран, который привел измученную жаждой компанию Бахуса к колодцам Амонского оазиса ". 1

Но этому самодельному собранию героев, животных и священных предметов едва ли поклонялись, разве что все вместе. Особое почитание уделялось двенадцати созвездиям, которым приписывалось наиболее мощное влияние на судьбу, а именно двенадцати знакам зодиака. Астрологические трактаты полны подробностей об их качествах; и их влияние, которое проистекает иногда из их астрономической природы, иногда из дарованного им мифического характера, проявлялось особенно в течение месяца, в течение которого каждый из них председательствовал, и их изображения в большом количестве встречаются на памятниках языческого культа, особенно на памятниках мистерий Митры. Более того, поскольку каждый знак зодиака был разделен на три декана, для каждого из этих тридцати шести небесных отсеков был придуман бог.

Объектом поклонения были не только небесные звезды, но и тонкая субстанция, зажигающая их огни, эфир, наполнявший высокие пространства небес. Ему приносились жертвы или воспевался в гимнах как источник всего яркого, и верующие даже посвящали надписи этому чистому и безмятежному воздуху, чтобы он мог прогнать разрушительный град.

В сферу неподвижных звезд, которая отмечает границы мира, вписаны семь других сфер, сфер планет, которые по порядку представляют собой Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венеру, Меркурий и Луну. Качества и влияния, которые им приписываются, иногда объясняются астрономическими мотивами. Они выводятся из их видимых движений, обнаруженных наблюдением. Сатурн делает людей апатичными и колеблющимися, потому что, находясь дальше всего от земли, кажется, что он движется наиболее целенаправленно. Но чаще всего приводимые причины носят чисто мифологический характер. Планеты, отождествляемые с божествами Олимпа, позаимствовали их природу. Марс, Венера, Меркурий имеют историю, известную всем: простого упоминания их имен достаточно, чтобы объяснить их действия: потребности Венеры должны благоприятствовать влюбленным, а Меркурий гарантирует успех в бизнесе и мошенничестве. Эта двойная концепция планетарных божеств, из которых то одно, то другое проявляет приписываемые им действия, благоприятные или разрушительные, соответствует гибриднему происхождению астрологии, которая претендует на звание науки, но всегда оставалась вероучением, и также встречается, в меньшей степени, в доктринах о неподвижных звездах.

Но, подобно олимпийцам, которых отождествляли с ними, планетарные боги являются самыми могущественными из всех. Их положение в небе, их взаимоотношения, или, используя

технический термин, аспекты, оказывают решающее влияние на все физические и моральные явления этого мира. Они пользуются разнообразным покровительством, более разнообразным и обширным, чем покровительство богов Олимпа и святых Рая. Они являются божествами-покровителями не только череды дней,¹ но и часов, и даже столетий и тысячелетий. К каждому было прикреплено растение, металл, камень, которые черпали чудодейственную силу из этой особой защиты. Каждый из них руководил определенным периодом жизни, частью тела и способностью души, обладал цветом и вкусом, соответствовал одной из гласных. Эти различные отношения, в которых они, как предполагалось, находились со всей природой, предоставляли многочисленные возможности для поклонения им. Как мы увидим в другой лекции,² их поклонение было гораздо более популярным, чем поклонение другим звездным богам, и их изображения воспроизводятся на памятниках с гораздо большей частотой.

Под самой нижней сферой, сферой Луны, ярусами расположены зоны стихий: зоны огня, воздуха, воды и земли. Этим четырем принципам, а также созвездиям греки дали название стойшая, и халдеи уже поклонялись как тому, так и другому. Влияние восточных религий, подобно космологии стоиков, распространило по всему Западу поклонение этим четырем телам, которые считаются элементами, бесконечное разнообразие комбинаций которых породило все воспринимаемые явления. В мистериях Митры часто воспроизводимая группа, в которой лев олицетворял огонь, чаша - воду, а змей - землю, символически изображала борьбу этих богов, одновременно добрых и враждебных, которые постоянно пожирали друг друга и чье вечное противостояние и трансмутация вызывали все изменения в природе. К концу языческого периода божественность этих физических агентов стала религиозным принципом, принятым всем языческим миром. Следовательно, в результате пикантного контраста традиционные изображения этих полиморфных субстанций, которые античная скульптура редко высекала, были умножены в тот самый момент, когда христианство лишало их священного характера.

Эти элементы не только обожествлялись: их самих преследовали грозные силы; особенно воздушная зона, окутывающая землю, была избранным домом демонов, добрых или злых существ, которые занимали среднее пространство и служили посредниками между богами и людьми, превосходя последних и уступая первым.

Однако существует существенное различие между силами этого подлунного мира - стихиями и демонами - и звездами. Первые подвержены действию вторых, их различные проявления вызваны совместным влиянием небесных тел; только последним принадлежат постоянство и регулярность; только они служат целям научного предсказания.

Подводя итог этому длинному перечню, можно сказать, что астрологическое язычество обожествляло активные принципы, которые движут всеми небесными и земными телами. Вода, огонь, земля, море и порывы ветров, но прежде всего светящиеся небеса с неподвижными звездами и планетами раскрывали безграничную силу Бога, который наполнил всю природу. Но этот пантеизм больше не наивно рассматривал эту природу как населенную капризными духами и неуправляемыми силами. Став научной, она рассматривала богов как космические энергии, провиденциальное действие которых упорядочено в гармоничную систему.

Восточные богословы развили идею о том, что мир образует троицу; это три в одном и одно в трех; он состоит из сферы неподвижных звезд, которые считаются неразложимыми на части, из семи сфер планет и земли, начиная с луны. Согласно некоторым из этих теологов, каждый из низших миров получал часть своей силы от высших миров и разделял их энергию, а источник всей силы и всех добродетелей находился в высшей сфере, единой и неделимой, которая регулировала движения всех других частей вселенной.

Но это не та теория, которая восторжествовала в Римской империи. Скорее предполагалось, что движущая сила, приведшая в движение весь космический организм, исходила от Солнца, и таким образом Солнце было возведено в ранг Верховного Бога. ¹ Это поклонение Солнцу было логическим результатом язычества, пропитанного эрудицией, которое стало религиозной формой космологии. Ренан ² однажды заметил: "Реальный источник жизни на нашей планете - Солнце. Вся сила - это трансформация солнца. До того, как религия зашла так далеко, что провозгласила, что Бога следует помещать в абсолют и идеал, то есть вне мира, только один культ был разумным и научным, и это был культ Солнца. " Поклонение Солнцу и Луне предшествовало поклонению другим планетам, и даже когда астрономическая система "Семи" была построена, проводилось различие между великими светилами, которые управляют днем и ночью, и пятью другими блуждающими звездами. Но примечателен тот факт, что поначалу первенство было отдано Луне. Лишь постепенно древние осознали непревзойденную важность небесного тела, дающего нам свет, в космической системе в целом, и, по правде говоря, они так и не достигли полноты этой идеи. Таким образом, если мы вернемся к древнейшим историческим временам, мы увидим, что в Вавилонии главным богом - поскольку он был наделен мужским полом - была Луна, Син, которая регулярно предшествует Шамашу, Солнцу. Этот бог сохранял главное место в Карре в Осроене и на большей части Анатолии вплоть до времен Римской империи. Преобладание культа Человека, как его называли в Малой Азии, объясняется сохранением в этой отдаленной стране древних идей, в других местах устаревших.

В жарких странах солнце - это, прежде всего, враг, от которого люди защищают самих себя, и жители знойных равнин Месопотамии предпочитали звезде, чей палящий жар воспламенял воздух, иссушал землю и истощал организм, ту звезду, чей мягкий свет озарял их, не причиняя угрозы. В ночной свежести Луна роняла целебную росу, и ее сияние, тогда, как и сейчас, направляло караваны через пустыню. Повсюду ее фазы, очевидные для всех глаз, служили для измерения времени еще до того, как была известна продолжительность года, а священные календари регулировали религиозные церемонии и гражданскую жизнь в соответствии с ее течением. Когда ее лицо было скрыто, в этом затмении было замечено страшное предзнаменование, и этому могущественному божеству приписывалось множество таинственных влияний, воспоминание о которых сохранилось в астрологии и на неопределенный срок было увековечено в народных суевериях. Ей также приписывали странное воздействие на рост растений и здоровье женщин. Как это часто бывает, богиня сохранила в общепринятом представлении силу, которой ее лишила теология. Однако она никогда не была полностью лишена своей власти. В Египте, несмотря на очень ранние попытки установить безраздельную власть Солнца Ра, в конце концов, на небесах, как и на земле, предпочтение было отдано единоличному владычеству совместной власти сестры и брата, жены и мужа, Исида и Осириса. Этот дуализм до сих пор вдохновляет александрийские мистерии эпохи Птолемея и подтверждается теориями египетских астрологов, которые разделили господство над остальными пятью планетами между "двумя небесными глазами".

Но у семитских народов эрудированное духовенство, по наследству преданное изучению звездного неба, более смело делало религиозные выводы из своих научных открытий. Мало-помалу они установили первостепенное значение солнца в небесном механизме и утверждали его превосходство все увереннее по мере того, как они лучше его понимали.

Постоянно удаляя его все дальше и дальше в пространстве, эти священники приобретали все более и более правильное представление о его огромных размерах. Изучив его вращения, они поняли, какие отношения связывают его с физическими явлениями и сменой времен года. Последний удар был нанесен по древнему престижу луны, когда было обнаружено, что она светит заимствованным или, как они говорили, ублюдочным светом. Поклонение Солнцу - это, по сути, ученый культ: он рос вместе с самой наукой и определенно утвердился в период, когда последняя достигла своего зенита в древности. Ни в какой другой точке мира так ясно не ощущаются связи, которые в религиях Востока соединяли интеллектуальные исследования с эволюцией веры.

Согласно так называемой "халдейской" системе, солнце, как мы видели, занимает четвертое место в ряду планет. Три находятся над ним, Марс, Юпитер и Сатурн, и три под ним, Венера, Меркурий и Луна. Другими словами, Солнце движется посреди небесных сфер. Он занимает центральное положение среди семи кругов Вселенной.

Другие планеты, казалось, вращались вокруг него или, скорее, сопровождали его, и астрологи с удовольствием указывали на Царственное Солнце (Басилевса Элиоса), продвигающееся в окружении своих спутников, в то время как земные князья, звездой-покровительницей которых он является, маршируют в окружении своей стражи.

Далее, "халдеи" придумали оригинальное решение проблемы, которая вызывала большое недоумение у древних астрономов, а именно проблемы, связанной с неправильными курсами планет. Они заметили, что кажущиеся продвижения, остановки и регрессии этих последних были связаны с вращением солнца - в действительности земли, - и они пришли к выводу, что солнце управляет их движениями: солнце было как бы хормейстером, который руководил ритмическими эволюциями блуждающих звезд. Он не только увлекал за собой Меркурий и Венеру, которые, как было установлено, никогда не находились от него дальше, чем на небольшом расстоянии, но и регулировал движение трех высших планет и воздействовал на них силой своего тепла почти так же, как на земные пары, которые он заставлял подниматься или опускаться. В зависимости от положения, которое оно занимает по отношению к ним, оно толкает их вперед, останавливает или отбрасывает назад; и делает это механически, проявляя свою силу, как и любое астрологическое влияние, в соответствии с определенными углами или "асpekтами".

Бероз применил ту же теорию к фазам Луны, а другие халдеи распространили это объяснение на движение комет. Они даже зашли так далеко, что поставили вращение неподвижных звезд в зависимость от солнца. Основная идея, на которой были основаны все эти доктрины, состоит в том, что солнце в силу своего сильного нагрева обладает способностью попеременно отталкивать и притягивать, которая в зависимости от расстояния или направления своих лучей то отталкивает небесные тела от себя, то притягивает их к себе, - уникальный фокус энергии, который заставляет их все двигаться. Эта механическая теория, содержащая своего рода предвосхищение учения о всемирном тяготении и гелиоцентрической системе, должна была послужить основой для всей ученой теологии.

Ибо, как мы уже говорили, в глазах халдейских астрономов неподвижные звезды и, прежде всего, планеты являются авторами всех явлений Вселенной, и ничто здесь, внизу, не создается иначе, как в силу их совместной деятельности. То, что управляет сложной игрой их революций и их аспектов, будет вершителем судеб, хозяином всей природы. Помещенный в центр великого космического организма, он оживляет весь его, подобно сердцу, поддерживающему человеческую жизнь, и как в научных трактатах, так и в мистических гимнах люди с удовольствием называют его "сердцем мира" (*kadia tou kosmou*).

Таким образом, яркая дневная звезда, расположенная посреди небесных сфер, силой своего тепла оживляет необъятный макрокосм, через который излучаются ее огни. Отныне оно больше не будет прославляться в стихах и прозе просто как сила, которая, помимо света, приносит в подземный мир тепло, плодородие и радость; древняя концепция расширяется и уточняется прикосновением науки: солнце станет проводником космической гармонии, повелителем четырех стихий и четырех времен года, небесной силой, которая неизменными изменениями своего годового хода производит, питает и уничтожает животных и растения, а сменой дня и ночи согревает и охлаждает, сушит или увлажняет землю и растения. атмосфера. Но, прежде всего, в звездной религии это будет тот высший регулятор движения звезд, который в каждый момент вдохновляет их постоянно меняющиеся движения, то, чему они обязаны всеми своими качествами и, возможно, даже (как верили некоторые) своим светом. Плиний уже признавал его верховным божеством, управляющим природой, *principale naturae regimen ac numen*. ¹

Но эта вселенная, столь хорошо упорядоченная, не может управляться слепой силой. Солнце, направляющее гармоничные движения космического организма, будет, таким образом, огнем, наделенным разумом, разумным светом (*fus poeron*). Языческие богословы будут рассматривать его как причину, управляющую миром, *mens mundi et temperatio*. ² Из этого будут сделаны наиболее важные выводы, поскольку солнце, причина мира, станет создателем особого разума, который управляет человеческим микрокосмом. Ему приписывается формирование душ. Его светящийся диск, направляя свои лучи на землю, постоянно посылал частицы огня в тела, которые он вызывал к жизни, и после смерти, как мы увидим, ³ это заставляло их возвращаться к нему. Такова, в общих чертах, научная теология, которая обеспечила как основу, так и оправдание римского солнцепоклонничества.

Из астрономических рассуждений халдеи вывели целую систему религиозных догм. Солнце, находящееся посреди наложенных друг на друга планет, регулирует их гармоничное движение. Поскольку его тепло толкает их вперед, а затем оттягивает назад, оно постоянно влияет, в соответствии со своими различными аспектами, на направление их движения и их действие на землю. Огненное сердце мира, оно оживляет весь этот великий организм, и поскольку звезды повинуются его командам, оно безраздельно властвует над вселенной. Сияние его великолепия озаряет божественную необъятность небес, но в то же время в его сиянии присутствует разум; оно является источником всего разума и, как неутомимый сеятель, непрестанно рассыпает по нижнему миру семена урожая душ. Наша короткая жизнь - это всего лишь особая форма вселенской жизни. Физические теории, применяемые к движениям планет взад и вперед, будут распространены на отношения Царя звезд с психическими сущностями, которые ему подвластны. Посредством последовательности испусканий и поглощений он поочередно заставит эти огненные эманации нисходить в тела, которые они оживляют, а после смерти соберет их и заставит вновь вернуться в его лоно. Эта последовательная и великолепная теология, основанная на открытиях древней астрономии в период ее расцвета, постепенно

навязала человечеству культ "Непобедимого Солнца" как владыки всей природы, создателя и хранителя людей.

Это поклонение Солнцу было окончательной формой, которую приняло римское язычество. В 274 году император Аврелиан, как мы видели, ¹ даровал ему официальное признание, когда по возвращении из Сирии, вдохновленный увиденным в Пальмире, он основал великолепный храм в честь Солнца непокоренного, в котором служили священники, имевшие преимущество даже над членами древней коллегии понтификов; а в следующем столетии Клавдианский императоры поклонялись всемогущей звезде не только как покровительнице, но и как создателю ее расы. Непобедимое Солнце, занимающее высшее положение в божественной иерархии, своеобразный покровитель государей и Империи, стремится поглотить или подчинить себе все другие божества древнего Олимпа.

Таким образом, эти императоры признали превосходство космической религии Востока над римским идолопоклонством, которое спекуляции теологов возвели в своего рода монотеизм. Был достигнут еще более близкий подход к христианской концепции. Этот астрономический пантеизм, обожествлявший мир, центром которого было Солнце, легко соглашался со стоическим гилозоизмом. Без особого труда она была приведена в соответствие с древней теорией, помещавшей местопребывание божества в высшую сферу, сферу неподвижных звезд; но со времени своего распространения она была вовлечена в борьбу против тех, кто, следуя Платону и Аристотелю, выводил Бога за пределы всей вселенной, представляя его Существом уже не имманентным, а трансцендентным, отличным от всей материи. Еврей Филон был не единственным человеком, упрекавшим халдеев в поклонении творению, а не творцу. Восточные культы были вынуждены рано пойти на уступки этому идеализму, и со второго века даже среди сирийских жрецов стало преобладать учение о том, что "Всевышний" Юпитер восседает в эфире, который простирается над сводом высочайших небес (*Iupiter summus exsuperantissimus*). Отныне Солнце становится подчиненной силой, отражением или чувственным выражением высшей божественности. Но чтобы избежать разрыва с традицией, от светила, дающего нам свет, был отделен тот универсальный "Разум", средоточием которого до сих пор было Солнце, и было постулировано существование другого чисто духовного солнца, которое сияло и царило в мире разума (*poeros kosmos*), и ему были переданы качества, которые отныне казались несовместимыми с материей. Мы можем проследить эту доктринальную эволюцию в работах неоплатоников и увидеть ее завершение в рассуждениях Юлиана Отступника. "Разумное" Солнце (*ноэрос*) становится посредником между "умопостигаемым" Богом (*ноэтос*) и видимой вселенной.

Мы вкратце обрисовали систему богословия, которая была навязана Империи. Давайте в заключение попытаемся представить себе, какую революцию произвели эти идеи в язычестве. В тот момент, когда они распространились по латинскому миру, масса людей все еще почти полностью оставалась в древнем состоянии идолопоклонства, которое было современником Пунических войн, и деревенские суеверия крестьян Лация все еще находили выражение в папском ритуале римского народа. Ученое богословие, распространившееся с Востока, возвысило и расширило религиозную мысль, выдвинув бесконечно более возвышенную

концепцию божественности. Этот пантеизм решительно утверждал единство мира, управляемого высшим разумом, но в этом огромном организме, все части которого действовали и реагировали друг на друга, человек, привилегированное существо, был связан со звездными богами тесными отношениями. Его глаз воспринимал их далекий свет. Его божественный разум в силу своей природы мог постигать божественные истины. Вместо обитателей Олимпа, своего рода сверхлюдей, рожденных во времени и освобожденных только от старости и смерти, оно задало вечных существ, неутомимых и непобедимых, которые непрерывно вели свой неизменный курс на протяжении бесконечной череды эпох; вместо богов, привязанных к городу или стране и, так сказать, *adscripti glebae*, отличающихся разнообразием народов, оно почитало универсальные или, как их уже называли, "католические" силы, деятельность которых, регулируемая вращением небесных сфер, простиралась по всей земле. и охватил всю человеческую расу. Почти анархическое общество Бессмертных, чья слабая и капризная воля вызвала сомнения в их могуществе, было заменено идеей гармоничного ансамбля звездных богов, которые, неудержимо управляемые Солнцем, сердцем мира, источником всякого движения и всего разума, повсюду устанавливали неотвратимые законы всемогущей Судьбы, - и последнее, но не менее важное: вместо старых методов предсказания, ныне дискредитированных, обманчивых предзнаменований и двусмысленных оракулов, астрология обещала заменить научный метод, основанный на опыте почти бесконечной продолжительности. астрология претендовала на способность уверенно расшифровывать доселе непостижимую книгу неба и определять судьбу людей с такой же точностью, как дату затмения.

Мы можем понять, как размах этой виртуозной концепции вызвал бы энтузиазм у людей и вдохновил поэтов, как это выглядело бы полным откровением мира и как в сочетании сначала со стоической философией, затем модифицированной платоническим идеализмом, древнее "халдейское" вероучение могло так долго сопротивляться христианству, триумф которого оно, тем не менее, подготовило.

Та же самая семитская раса, которая привела к падению язычества, также приложила самые мощные усилия для его спасения.

ЛЕКЦИЯ V. Астральный мистицизм¹ - Этика и культ

Теология, основанная на теориях небесного механизма, обожествляющая простые абстракции, такие как Время и его подразделения, приписывающая священный характер самим числам, должна была, казалось бы, вызывать отвращение из-за своего сухого метафизического характера. Творение астрономов, оно, казалось бы, было неспособно привлечь никого, кроме интеллектуальной элиты, и завоевать любые умы, кроме спекулятивных. На первый взгляд нас вполне могло бы удивить, что религия, столь сухая и заумная, смогла завоевать древний мир, и мы спрашиваем себя, как она обрела власть над душами людей и смогла привлечь множество верующих.

Ответ заключается в том, что эта мощная система, нацелившаяся на удовлетворение интеллекта, еще более эффективно апеллировала к эмоциям. Если культы Востока претендовали на то, чтобы ответить на все вопросы, которые человек задает относительно мира

и самого себя, они также были направлены на то, чтобы пробудить в нем эмоции, вызвать в нем восторг экстаза.

Склонность к мистицизму, являющаяся одной из характерных черт сирийца Посидония, разделялась всеми адептами "халдейских" вероучений. Мы должны попытаться проанализировать здесь характер этого звездного мистицизма, первоначальной формы набожности, если таковая когда-либо существовала, любопытного и малоизвестного выражения религиозного чувства во времена античности, и показать, какая этическая система возникла из него, какая форма поклонения соответствовала ему и как она сочеталась с фатализмом. После теории мы переходим к практике.

Великолепный вид сверкающего неба всегда производил сильное впечатление на человечество, и тот, кто наслаждался мягким сиянием восточной ночи, поймет, какое естественное восхищение вызывали в этой стране неугасимые центры света в вышине. Но эта "космическая эмоция", как ее называли, постоянно меняется в соответствии с представлением, которое было сформировано о вселенной. Несомненно, существует огромная дистанция между взглядами первобытного человека, который, когда он поднимал глаза к небесному своду, иногда боялся, что этот прочный свод упадет и раздавит его, и почитанием Канта, который, рассматривая звездные системы, нагроможденные до бесконечности над ним, чувствовал себя охваченным таким же почтительным изумлением, какое он испытывал к моральному закону, который он постигал в себе разумом. Это чувство развивалось по мере прогресса знания и пропорционально той точности, которой достигали идеи необъятности и вечности. У греков космос не вызывал, в отличие от нас, беспокойной мысли о расширении до бесконечности за пределы самой отдаленной туманности, до которой может дотянуться телескоп. Тогда у мира были пределы. Древние предполагали, что над сферой неподвижных звезд, которые окружали ее со всех сторон, нет ничего, кроме пустоты, или эфира. Небо в их астрономии было похоже на землю в их географии, но в гораздо более ограниченном выражении, чем сейчас. Необъятность видимых созвездий не была для них столь ошеломляющей, как для наших научных знаний, и расстояния, на которых они фиксировали эти тела, не представлялись им, как нам, расстоянием настолько большим, что его протяженность выходит за пределы нашего воображения, и даже цифры не могут позволить нам осознать это. Когда они заглядывали в глубины космоса, их не охватывало в такой степени, как нас, головокружение от вида бездн и не раздавливало ощущение собственной ничтожности. Они бы не воскликнули, как Паскаль, размышляя о несоизмерности между человеком и природой, о несоизмеримости и безмолвии: "Вечное безмолвие этих безграничных пространств пугает меня".¹ Чувство, поражающее древних, было главным образом восхищением. Сенека² развивает эту мысль о том, что звезды, даже если мы не помним о благе, которое они распространяют на нашу земную обитель, вызывают наше восхищение своей красотой и требуют нашего почитания за их величие.

Из отрывков, посвященных прославлению их великолепия, я процитирую только один, последний штрих которого прояснит всю разницу, отделяющую древнюю концепцию от современной. Манилий заканчивает свою пятую книгу грандиозным описанием великолепия тех безлунных ночей, когда даже звезды шестой величины зажигают свои многолюдные и

сверкающие огни, семена света среди тьмы. Тогда сверкающие храмы неба сияют факелами, которых больше, чем песков на морском берегу, чем цветов на лугу, чем волн океана, чем листьев в лесу. "Если бы природа, - добавляет поэт, - наделила это множество сил пропорционально его численности, сам эфир не смог бы поддерживать свое собственное пламя, и пожар Олимпа поглотил бы весь мир". 1

Мы видели², как восхищение красотой космоса, открытие небесной гармонии привело к провозглашению существования направляющего Провидения. Но это не самая характерная сторона доктрины: все теологические системы ссылаются на порядок природы как на доказательство существования Бога. Что еще более оригинально, так это то, что они взяли эту "космическую эмоцию", которую испытывает каждый человек, и превратили ее в религиозное чувство.

Сверкающие звезды, вечно совершающие свой безмолвный путь над нами, - это божества, наделенные личностью и одушевленные чувствами. С другой стороны, душа - это частица, отделенная от космических огней. Тепло, которое оживляет человеческий микрокосм, является частью той же субстанции, которая оживляет вселенную, разум, который руководит нами, разделяет природу тех светил, которые освещают его. 3 Сама по себе огненная сущность, она родственна богам, которые сверкают на небесном своде. Таким образом, созерцание неба становится общением. Желание, которое испытывает человек, надолго задержать свой взгляд на усыпанном звездами своде, является божественной страстью, которая захватывает его. Зов с небес влечет его к сияющим пространствам. В великолепии ночи его дух опьянен сиянием, которое проливают на него огни наверху. Как одержимый человек или как корибант в бреду своих оргий, он предается экстазу, который освобождает его от оков плоти и возносит далеко над туманами нашей атмосферы, в безмятежные области, где движутся вечные звезды. Уносимый на крыльях энтузиазма, он проецирует себя в гущу этого священного хора и следует его гармоничным движениям. Затем он приобщается к жизни этих светоносных богов, которых снизу он видит мерцающими в сиянии эфира; перед назначенным часом смерти он приобщается к их божественности и получает их откровения в потоке света, который своим блеском ослепляет даже разумные глаза.

Таковы возвышенные излияния, которыми восхищается мистическое красноречие Посидония. Тем не менее в этой ученой теологии, первыми авторами которой были астрономы, эрудиция никогда не теряет своих прав. Человек, привлеченный яркостью неба, получает не только невыразимое наслаждение от созерцания ритмичного танца звезд, регулируемого гармониями божественной музыки, создаваемой движением небесных сфер. Никогда не уставая от этого постоянно повторяющегося зрелища, он не ограничивается тем, что наслаждается им. Врожденная жажда знаний побуждает его исследовать природу этих светящихся тел, чье сияние достигает его, раскрыть причины и законы их непрерывного движения. Он стремится постичь ход созвездий и извилистый путь планет, который должен раскрыть ему правила жизни и тайны судьбы. Как только он приближается к границам небес, его желание понять их разгорается от реальной легкости, которую он испытывает в удовлетворении этого желания. Увлечения, которые влекут его к высшим областям, не притупляют, а просвещают его разум. Разве все открытия в астрономии не являются откровениями своей природы, сделанными звездными богами своим ревностным ученикам? Это мистическое созерцание небес, источника всякого разума, будет религиозным идеалом возвышенных духов. Астроном Птолемей, который из всех ученых древности оказал, возможно, наибольшее влияние на

последующие поколения, забудет о своих сложных расчетах и трудных исследованиях, чтобы воспеть это опьянение. Мы сохранили следующие строки его¹: "Каким бы смертным я ни был, я знаю, что рожден на один день, но когда я следую за сомкнутым множеством звезд в их круговом движении, мои ноги больше не касаются земли; я возношусь к самому Зевсу, чтобы он угощал меня амброзией, пищей богов".

Давайте сравним этот безмятежный экстаз с восторгами дионисийского опьянения, которые, например, Еврипид так поразительно изображает для нас в "Вакханках", и мы сразу поймем, какое расстояние отделяет эту астральную религию от более раннего язычества. В первом случае, под воздействием вина, душа общается с буйными силами природы, и бьющая через край энергия физической жизни выражается в бурной экзальтации чувств и безудержном беспорядке духа. В другом случае именно чистым светом разум утоляет свою жажду истины; и "воздержанное опьянение",² которое возносит ее к звездам, не разжигает в ней никакого пыла, кроме страстного стремления к божественному знанию. Источник мистицизма перенесен с земли на небеса.

Мы, которые в наших северных городах едва различаем свет звезд, постоянно скрытых туманом и затемненных дымом, мы, для кого они всего лишь раскаленные тела, приводимые в движение механическими силами, мы с трудом можем постичь силу религиозного чувства, которое они внушали людям древности. Неизгладимое впечатление, производимое великими зрелищами природы, владеющее нами желание исследовать причины ее явлений, в их случае сочетались с устремлениями веры в этих "видимых богов", которые всегда присутствовали для поклонения. Страсть к знаниям, пыл преданности смешивались с глубоким чувством, которое вызывала идея единения человека с гармонией небес.

Подумайте о престиже, который такая теория придала астрологу, находящемуся в постоянной связи с божественными звездами. Нигде это не выражено так ясно, как в отрывке ритора, принадлежащего к эпохе Августа, Ареллиуса Фуска. ¹ "Тот, кому сами боги открывают будущее, кто навязывает свою волю даже королям и народам, не может быть создан, - говорит он, - тем же чревом, которое породило нас, невежественных людей. У него сверхчеловеческий ранг. Доверенное лицо богов, он сам божественен ". Затем он добавляет:

Если претензии астрологии искренни, почему мужчины всех возрастов не посвящают себя этому изучению? Почему с самого детства мы не обращаем внимания на природу и богов, не видим, что звезды раскрываются перед нами и что мы можем жить среди богов? Зачем изнурять себя попытками овладеть красноречием или посвятить себя профессии военного? Лучше давайте возвысим наши умы с помощью науки, которая открывает нам будущее, и до назначенного смертного часа вкусим наслаждения Блаженных.

Эта возвышенная концепция, сформировавшаяся из астрологии, царицы наук, этот мистицизм, придавший ей сакральный характер, влекли за собой этические последствия чрезвычайной важности. Математики Римской империи были преемниками древних халдейских жрецов, и они никогда не забывали этого. Они любят принимать святое обличье нетленных пророков и рассматривать осуществление своей профессии как священничество. Они любят подчеркивать

чистоту своей морали и самодовольно перечисляют все качества, которые приближают их к божественной природе, - целомудрие, трезвость, непорочность, самоотречение. Если другие ищут счастья ценой тысячи усилий, астролог, посвятивший себя кропотливым исследованиям, обязан полностью отдаться Божественному разуму.

"Impendendus homo est, dens esse ut possit in ipso." 2

Таким образом, астрологи, претендующие на открытие тайн судьбы, ведут суровую жизнь или, по крайней мере, влияют на нее. Само условие их могущества. Смертные не разделяют небесный экстаз, если только они не заслужили его нравственностью своего поведения. Наука - это откровение, обещанное добродетели. Человек должен быть очищен от всякой скверны, чтобы сделать себя достойным общества богов и познания небесных вещей. Эта идея о том, что пороки человека тяготят его и удерживают здесь, внизу, часто находит развитие. Доктрина противопоставляет тело, созданное из земли, священному огню духа. Все плотские желания в какой-то мере материализуют этот священный огонь и в то же время загрязняют его и препятствуют его восхождению в эфир. С другой стороны, если душа освободится от страстей тела, она сможет легко и непринужденно взлететь к звездам. В яростной полемике, которую Посидоний ведет против Эпикура, он упрекает его,¹ в отношении его астрономических доктрин, в том, что он был "слепее крота", и добавляет: "Неудивительно, ибо открывать истинную природу вещей свойственно не людям, преданным удовольствиям, но тем, чей добродетельный характер делает добро своим идеалом", и которые не предпочитают этому утешение своей любимой плоти". Абсурдность космографии, исповедуемой эпикурейцами, является, в его глазах, следствием их распутной жизни. Здесь мы видим изложение идеи, столь опасно развитой позже, о том, что истинное знание является наградой за благочестие.

Чудеса природы производят на нас таинственное впечатление. Вид необъятного возвышает нас над вульгарностью жизни. Это чувство, врожденное человеку, астральная религия ухватила и великолепно развила, чтобы сделать его источником нравственности. Богословы прославляют духовные радости, которые эта религия уготовила своим адептам, интенсивность которых делает все материальные наслаждения пресными и презренными; сотнями способов они противопоставляют низость земного великолепию небесных вещей. Как должны поклоняющиеся небу получать удовольствие от гонок на колесницах или соблазняться театральными песнями и танцами, они, которые имеют привилегию созерцать богов и слушать их пророческие голоса? Как глубоко их мысли, витающие среди звезд, презирают с высот этой блистательной обители позолоченные дворцы и напыщенную роскошь богатства! Они не копят серебро и золото, сокровища, достойные темных уголков земли, из которых их извлекает алчность, но они наполняют свои души духовными богатствами и делают их хозяевами всей природы, причем таким образом, что их владения простираются до границ Востока и Запада. Даже лишения изгнания не могут коснуться их, поскольку в любом климате они находят одни и те же звезды на одинаковом расстоянии от своих зорких глаз. Могут ли они только смешаться с ними, и их души вознестись в светлые области, к которым их влечет их родство с небесными огнями, для них мало имеет значения, по какой земле они ступают своими ногами. Поглощенный ее возвышенными исследованиями, наш разум будет презирать бренные блага этой жизни и грубые удовольствия толпы. Она освободится от всех плотских желаний, возбуждаемых в ней телом, созданным из земли. Таким образом, преданность науке в звездном поклонении окружена ореолом религии. Возвышение интеллектуальной жизни, которая одна является божественной, ведет здесь к аскетизму.

Мы видим, что астральный мистицизм представлял собой блаженное состояние ума, при котором человек даже на земле освобождался от всего земного, освобождался от потребностей тела, как от уз, так и от порожденных им импульсов, чтобы посвятить себя созерцанию природы и звездного неба, которые давали ему прямое знание о божественной деятельности. Этот идеал, сурово аскетичный в том смысле, что он противопоставлял удовлетворение телесных инстинктов стремлениям суверенного разума, вел к жизни в самоотречении, озаренной только священными радостями учебы. Но способна ли воля человека избрать этот счастливый жребий? Разве астрология не формулирует принцип, разрушающий всякую мораль и всякую религию, принцип фатализма?

Фатализм действительно является основным принципом, который астрология навязала миру. Халдеи были первыми, кто выдвинул идею Необходимости, господствующей во вселенной. ¹ Это также одна из основных идей стоиков. ¹ Абсолютный детерминизм подразумевается во всех постулатах науки о влиянии звезд на жизнь человека, и Манилий выразил это поразительной фразой:

"Fata regunt orbem, certa stant omnia lege." ²

Силу этой фаталистической концепции в древние времена можно оценить по ее длительному сохранению, по крайней мере, на Востоке, где она зародилась. Начиная с александрийского периода, оно распространилось по всему эллинскому миру, и на закате язычества усилия христианской апологетики по-прежнему в основном направлены против этой доктрины, но ей было суждено пережить все нападки и даже навязать себя исламу. Ибо магометанство в этом отношении является наследником язычества.

Основное возражение, которое его противники, будь то язычники или христиане, никогда не переставали выдвигать против него, - диалектика Карнеада уже блестяще использовала это оружие, - это то же самое, что никогда не переставали повторять защитники доктрины свободной воли, а именно, что отсутствие свободной воли уничтожает ответственность: награды и наказания бессмысленны, если люди действуют под влиянием доминирующей необходимости; если они рождаются героями или преступниками, мораль не влечет за собой заслуг, а безнравственность - порицания. Мы не можем излагать здесь метафизические дискуссии, спровоцированные этим противоречием, которое всегда продолжалось и всегда будет продолжаться. Но, с практической точки зрения, стоицизм доказал фактами - неопровержимым аргументом в этике, - что фатализм не совместим с мужественной и активной добродетелью. Более того, это можно было рассматривать как придание религиозной основы добродетели, если бы добродетель проистекала из согласия микрокосма и макрокосма, которое находило свое высшее выражение в экстазе. Некоторые современные мыслители, такие как Шлейермахер, полагали, что истинная религия заключается в ощущении творением абсолютной зависимости от бесконечной Причины Вселенной. Астрология, усиливая это чувство зависимости, была источником настоящего благочестия. Ее профессора возводят в ранг долга полную покорность всемогущей судьбе, радостное принятие неизбежного. Они объявляют себя покорными судьбе, даже самой капризной, подобно умному рабу, который угадывает желания своего хозяина, чтобы удовлетворить их, и может сделать терпимым самое

суровое рабство. Это страстное отречение, это стремление подчиниться божественному Предначертанию вдохновляло в древности некоторые души с чувствами столь пылкими, что они напоминают восторг христианской преданности, которая горит желанием подчинить себя воле Божьей. Было замечено, что отречение Деметрия, цитируемое Сенекой,¹ проводит своеобразную параллель с одной из самых известных христианских молитв, "Suscipe" св. Игнатия, которым заканчивается книга духовных упражнений:

У меня есть только одна жалоба к вам, бессмертные боги, что вы не дали мне раньше узнать вашу волю. Я бы и сам предвидел, чему по твоему зову я предлагаю сейчас подчиниться. Ты бы забрал моих детей? Я вырастил их для тебя. Ты желаешь какую-то часть моего тела? Прими это от меня; это лишь небольшая жертва, которую я приношу, поскольку вскоре мне придется совсем расстаться с этим. Тебе нужна моя жизнь? Почему я должен колебаться, возвращать ли тебе то, что ты мне дал? ... Я ни к чему не принужден, я ничего не терплю против своей воли, я не послушен Богу, я в согласии с ним, и тем более потому, что я знаю, что все происходит в силу непреложного закона, провозглашенного от века.

В этом излиянии выражен идеал чистого стоицизма, но, если его нельзя назвать антирелигиозным, он, по крайней мере, противоречил всем устоявшимся религиям. Если нам навязана необратимая Судьба, никакая священная церемония не сможет изменить ее решения. Поклонение бесполезно, бесполезно требовать от гадания тайн будущего, которые ничто не может изменить, а молитвы - используя выражение Сенеки² - не что иное, как утешение больных душ.

И, без сомнения, определенные духи, как утверждает Светоний об императоре Тиберии,³ "полностью убежденные в том, что всем правит Судьба, пренебрегли религиозной практикой". Астролог Веттий Валенс ⁴ объявляет ее бесполезной. "Невозможно победить жертвой то, что было установлено от начала времен". Поэтому мы должны благоговеть перед высшей силой, которая правит вселенной, ничего от нее не требуя, и мы должны довольствоваться радостью, которая вызывается чувством тесного единения создания с творцом.

Но обычные люди не доросли до этого надменного идеала благочестия. Перипатетик третьего века, Александр Афродизиакий, убедительно охарактеризовал отсутствие логики, которое привело большинство человечества к действиям, противоречащим их теориям. ¹

Те [говорит он], кто энергично утверждает в своих рассуждениях, что Судьба неизбежна, и кто приписывает ей все события, похоже, не полагаются на нее в действиях своей собственной жизни. Ибо они взывают к Удаче, признавая, таким образом, что она действует независимо от Судьбы; и, более того, они никогда не перестают молиться богам, как будто те могут исполнить их молитвы даже вопреки Судьбе; и они без колебаний прибегают к предзнаменованиям, как будто для них возможно, заранее узнав о каком-либо предначертанном событии, защититься от него. Доводы, которые они выдумывают, чтобы установить гармонию между своими теориями и своим поведением, являются всего лишь жалкими софизмами.

И в самом деле, как замечает христианский писатель четвертого века, если римские язычники собирались жениться, если они намеревались совершить покупку или стремились к какому-то достоинству, они спешили обратиться к прорицателю за предсказаниями, в то же время моля Судьбу даровать им годы процветания.

Фундаментальная непоследовательность, которую мы отметили с самого начала² очевидна во всем этом развитии астрологии, которая претендовала на то, чтобы стать точной наукой, но которая всегда оставалась священной теологией. Звезды считались божественными в Вавилоне до того, как была создана доктрина универсального детерминизма, и этот характер был сохранен вопреки логике. В храмах восточных богов астрология принимала или, скорее, поддерживала характер, совершенно отличный от того, под которым она представлялась в школах или обсерваториях. Такой дидактический трактат, как "Тетрабиблос" Птолемея, где действие планет прослеживается до физических причин, никогда не смог бы стать евангелием ни одной секты. В звездных культах Фортуна больше не будет представляться слепой и глухой богиней, которая с беспричинной благосклонностью или неумолимой злобой забавляется как над достойными, так и над недостойными. Меньше внимания будет уделяться всемогуществу Необходимости, чем божественности звезд. Это были уже не просто космические силы, чье благоприятное или неблагоприятное действие ослабевало или усиливалось в соответствии с извилинами курса, установленного от века. Старая мифология здесь не была сведена к математической формуле. Небесные тела оставались богами и богинями, наделенными чувствами и качествами, иногда разгневанными, но всегда умиротворенными, которых можно было умиловить молитвами и подношениями. Считалось, что оккультные церемонии, магические заклинания обладают способностью спасать верующих даже здесь, внизу, от порабощения, которое Судьба обрекла тяжелым бременем на остальное человечество, и более того, подчинять небесных духов воле верующего. Даже теоретик Фирмик Матернус, хотя и энергично утверждает всемогущество Судьбы, призывает на помощь богов, которые помогут ему противостоять влиянию звезд.

Звездный детерминизм, доведенный до крайних последствий, был теорией отчаяния, тяжесть которого раздавила человека. Он чувствовал себя во власти слепых сил, которые влекли его к себе так же неудержимо, как они приводили в движение небесные сферы. Его разум стремился вырваться из-под гнета этого космического механизма, освободиться от рабства, в котором держала его Анагке. Он больше не полагался на церемонии древних культов, чтобы спасти его от суровости ее владычества, но восточные религии предоставили лекарство от зла, которое они распространили. Новый хозяин, овладевший небом, будет умиловлен новыми средствами. Утверждается, что не только магия, но и мистерии обучают методам изгнания злых духов из Судьбы. Они смогут умирить гнев звездных сил и завоевать их расположение ритуалами и подношениями; прежде всего, они научат тому, как продлить жизнь человека сверх срока, назначенного Судьбой, и обеспечить ему бессмертие блаженства. ¹

Таким образом, вера в Судьбу не только (1) стала источником морального вдохновения для благородных умов, но также (2) обеспечила обоснование необходимости позитивного поклонения.

О поклонении звездам на Западе у нас очень мало сведений, даже о самом важном из всех - о поклонении Солнцу. Я не буду подчеркивать некоторые дошедшие до нас подробности обрядов, связанных с Луной, звездами, знаками зодиака и т.д. Мы упомянем лишь некоторые литургические практики, которые дали постоянные результаты.

Было принято поклоняться восходящему Солнцу (Ориенс) на рассвете, в тот момент, когда его первые лучи поражали демонов, вторгшихся на землю во тьме. Тацит описывает нам, как в битве при Бедриаке в 69 году н.э. солдаты Веспасиана приветствовали восходящее солнце громкими криками по сирийскому обычаю. ¹ В храмах трижды в день - на рассвете, в полдень и в сумерках - молитва обращалась к небесному источнику света, молящиеся поворачивались утром на Восток, в полдень - на Юг, а вечером - на Запад. Возможно, этот обычай сохранился в трех ежедневных службах ранней Церкви.

Очень общее соблюдение требовало, чтобы 25 декабря праздновалось рождение "нового Солнца", когда после зимнего солнцестояния дни начинали удлиняться и "непобедимая" звезда снова одерживала победу над тьмой. Несомненно, что дата этого *Natalis Invicti* была выбрана Церковью как празднование Рождества Иисуса, которое ранее путали с Богоявлением. Назначая этот день, повсеместно отмечаемый благочестивыми празднествами, которые, насколько это было возможно, сохранялись, - например, были сохранены старые гонки на колесницах, - церковные власти в некоторой степени очистили обычаи, которые они не могли отменить. Эта замена, произошедшая в Риме, вероятно, между 354 и 360 годами, была принята по всей Империи, и именно поэтому мы до сих пор празднуем Рождество 25 декабря.

Первостепенное значение, придаваемое *dies Solis*, также, безусловно, способствовало всеобщему признанию воскресенья как праздника. Это связано с более важным фактом, а именно с принятием недели всеми европейскими народами. Мы видели, что в астрологической системе каждый день был посвящен определенной планете. Вероятно, верующий молился правящей звезде каждого дня по очереди. У нас до сих пор сохранился текст этих молитв, обращенных к планетам как на Востоке, так и на Западе. У нас есть некоторые на греческом, но поздние, и наиболее любопытными являются записи язычников Харрана близ Эдессы, которые арабский писатель передал нам в мельчайших подробностях. Так, например, чтобы воззвать к Сатурну, необходимо было дождаться благоприятного момента, надеть черное облачение, смиренно подойти к священному месту, как человек, погруженный в печаль, сжечь благовония, состоящие из ладана и опиума, смешанных с жиром и мочой козла, затем, в тот момент, когда поднимется дым, поднять глаза к звезде и сказать:

"Владыка, чье имя август, чья власть широко распространена, чей дух возвышен, о Владыка Сатурн, холодный, сухой, темный, вредный ... коварный повелитель, знающий все уловки, лживый, мудрый, понимающий, приносящий процветание или разорение, счастливый или несчастный - тот, кого ты делаешь таким. Я заклинаю тебя, о первобытный Отец, твоими великими милостями и твоими благородными качествами, сделай для меня то-то и то-то!"

"После того, как это было сказано, - продолжает текст, который я сокращаю, - ты должен поклониться со смирением и раскаянием, и, наклоняясь, ты должен повторить молитву несколько раз".

Мы не предполагаем, что в Римской империи преданные каждый день проводили бы такие сложные церемонии в честь планет - великая молитва Юпитеру занимает не менее четырех страниц, - но, безусловно, использование аналогичной литургии в определенных культах, особенно в мистериях Митры, во многом способствовало принятию недели по всей Римской империи.

Это распространение недели и даже его изобретение появились гораздо позже, чем обычно предполагается. Известно, что евреи уже делили время на последовательные группы по семь дней, заканчивающиеся субботой, но каждый из этих дней не находился под покровительством какой-либо планеты: они просто считались. Эта система измерения времени берет свое начало в разделении лунного месяца на четыре равные части. Этот семидневный период встречается и в других местах, но астрологическая неделя имеет гораздо более позднее происхождение. Это связано с общей теорией "хронократориев", которые закрепили за каждой планетой власть на час, день, год и даже на период в тысячу лет¹; и присвоение каждой из них одному из богов является результатом остроумного расчета, который основан на так называемом "халдейском" расположении планет. Такое расположение нигде не встречается ранее второго века до нашей эры, и можно считать несомненным, что наша неделя является творением эллинистического периода. Вероятно, впервые он был введен в звездные культы Месопотамии и Сирии, оттуда перешел в Александрию, и примерно в эпоху Августа он начал вытеснять в латинских странах древнеримский восьмидневный нундинум, а в конце концов заменил все местные календари. Принятый Церковью, несмотря на свое подозрительное происхождение, он был навязан всем христианским народам. Когда сегодня мы называем дни субботой, воскресеньем, понедельником, мы, сами того не подозревая, являемся язычниками и астрологами, поскольку неявно признаем, что первое принадлежит Сатурну, второе - Солнцу, а третье - Луне.

Если мне будет позволено завершить наблюдение, которое немного уводит нас в сторону от нашей темы, то, пожалуй, не может быть более поразительного доказательства силы и популярности астрологических верований, чем влияние, которое они оказали на популярный язык. Все современные идиомы сохраняют его следы, которые мы уже не можем различить, за исключением с трудом сохранившихся пережитков исчезнувших суеверий. Помним ли мы все еще, когда говорим о воинственном, веселом или безумном характере, что он, должно быть, был сформирован Марсом, Юпитером или Луной, что влияние - это эффект жидкости, испускаемой небесными телами, что это одна из этих "астр", которая, будучи враждебной, приведет меня к катастрофе, и что, наконец, если мне посчастливилось оказаться среди вас, я, безусловно, обязан своей счастливой звезде?

ЛЕКЦИЯ VI. Эсхатология

В предыдущей лекции мы показали, как для теологов-астрономов созерцание неба стало источником мистического единения с божественными звездами. Возвышенные радости экстаза, которые приводят человека в общение со звездными богами, дают ему лишь предвкушение блаженства, которое уготовано ему, когда после смерти его душа, вознесясь к небесным сферам, проникнет во все их тайны. Преходящий восторг, озаряющий его разум здесь, внизу, является смутным предзнаменованием опьянения, которое вызовет в нем непосредственный вид звезд и полное понимание истины. Самые идеальные занятия мудреца в этом мире - всего лишь слабый намек на блаженство, которое будет доведено до совершенства в грядущей жизни.

Таким образом, астральный мистицизм основан на психологическом опыте построения целостной доктрины бессмертия. Он прославлял свой идеал земной жизни и проецировал его на жизнь запредельную. Эти идеи, распространившиеся по всему римскому миру, не могли не

изменить глубоко всю концепцию предназначения человека. В сегодняшней лекции мы посвятим себя демонстрации этой трансформации.

На заре существования Империи древние верования о загробном существовании, идея о том, что умерший человек прожил мрачную жизнь в гробнице, поддерживаемая погребальными приношениями его потомков, почти не сохраняли влияния, а мифологические рассказы о Стиксе, барке Харона и наказаниях, налагаемых в загробном мире, больше не пользовались доверием. Философская критика показала абсурдность этих мрачных химер. Греческая философия в целом была направлена на достижение высшего блага в этом мире. Из двух великих систем, господствовавших в Риме, одна категорически отрицала будущую жизнь. Хорошоизвестно, что Эпикур учил, что душа состоит из атомов и растворяется вместе с телом, и нет учения Учителя, на котором его ученики настаивали бы с большей самодовольной уверенностью. Лукреций¹ хвалит его за то, что он изгнал из человеческих умов "этот страх перед Ахероном, который беспокоит жизнь человека до самых сокровенных глубин". Другая великая философская школа, стоицизм, проявляла значительные колебания относительно судьбы, уготованной нашим душам. Различные ее представители придерживались различных взглядов на этот счет. Панетий, друг Сципионов, один из писателей, внесших наибольший вклад в то, чтобы склонить Рим к догматам Папируса, решительно отказался верить в выживание личности. В действительности именно в этот мир истинный стоицизм помещает реализацию своего идеала. Для него целью существования является не подготовка к смерти, а достижение совершенной добродетели. Освобождая от страстей, добродетель дарует независимость и счастье. Мудрец, счастливое существо, является богом на земле, и небеса не могут предложить ему ничего большего. В этой системе эсхатологические теории имели лишь второстепенное значение, и это объясняет их вариации.

Негативная точка зрения, принятая Панэцием, совпадает, возможно, с точкой зрения большинства теоретиков астрологии. Среди тех, кто гордился философией, многие отрицали бессмертие или, по крайней мере, сомневались в нем, как, например, Птолемей, находившийся под влиянием идей перипатетиков, или Веттий Валент, представляющий более чистый стоицизм. Согласно им, божественная искра, оживлявшая тела, после смерти слилась с космическими огнями, из которых она вышла, не сохранив никакой индивидуальности. Таким образом, от смерти они не ожидали ничего, кроме освобождения от Судьбы, рабами которой они были здесь, внизу; отныне они были освобождены от тех жестоких потребностей и безжалостных превратностей, которым подвержены те существа, которые живут под планетарными сводами. Их концепция существования и их высочайшие устремления были теми, которые наиболее ярко выразили самые древние из современных поэтов; я имею в виду Леконта де Лиля, который, принимая определение Альфреда де Виньи, заявил, что жизнь - это "мрачный эпизод между двумя бесконечными периодами сна". Его музыкальный и унылый апостроф хорошо известен¹:

"Et toi, divine Mort, où tout rentre et s'efface,
Accueille tes enfants dans ton sein étoilé,

Affranchis nous du temps, du nombre, et de l'espace,
Et rends nous le repose que la vie a troublé." 2

Этот пессимизм, рассматривавший уничтожение как благословение, мог быть принят определенными духами и иногда проповедовался со своеобразной страстью, как у Плиния в знаменитом исповедании веры. 3 Но большинство, не решаясь признать определенность будущей жизни, цеплялось за нее как за удобную гипотезу, поддерживаемую определенными мыслителями.

Нам трудно смириться с полным уничтожением; даже когда разум соглашается с уничтожением нашего преходящего существа, подсознательно мы протестуем против этого. Глубокий инстинкт самосохранения побуждает человека желать продолжения жизни, а чувство восстает против муки безвозвратной разлуки, против окончательной потери всего, что человек любит. Более того, в императорском Риме было так много безнаказанных преступлений, так много незаслуженных страданий, что люди, естественно, искали убежища в надежде на более счастливое будущее, которое исправило бы все несправедливости печального настоящего. В этом объяснение все возрастающего триумфа новых теорий, касающихся грядущей жизни. Скептицизму и негативным взглядам, которые были распространены в конце Республики, по крайней мере в интеллектуальных кругах, противостояли доктрины, преподаваемые профессорами теологии, которые нашли в Посидонии своего наиболее выдающегося представителя. Будучи стоиком, он сочетает учение Притвора с идеализмом Платона, который считал, что душа, будучи нематериальной сущностью, должна подняться в более справедливый мир. Но он также приветствует, и прежде всего, религиозные традиции сирийцев, красноречивым пропагандистом которых ему предстоит быть.

Все восточные мистерии заявляют, что открывают своим адептам секрет достижения благословенного бессмертия. Вместо изменчивых и противоречивых мнений философов о судьбе человека после смерти эти религии предлагали уверенность, основанную на божественном откровении и подтвержденную верой бесчисленных поколений, которые цеплялись за нее. Отчаявшийся мир горячо приветствовал эти обещания, и философия, претерпевая трансформацию, объединилась с древними верованиями Востока, чтобы дать Империи новую эсхатологию.

На самом деле разные культы представляли блаженство в очень разных формах, некоторые из них были достаточно грубыми. Для последователей Бахуса или фригийца Сабазия пьянство - это божественное достояние. Преданный должен был быть допущен на праздник богов, чтобы там вечно радоваться вместе с ними в состоянии приятного опьянения. Александрийские мистерии Исиды и Сераписа распространяли менее материальную концепцию будущего счастья. Умерший спустится в нижний мир, полностью владея своим телом, так же как и своей душой, и будет наслаждаться вечным восторгом, созерцая лицом к лицу невыразимую красоту богов, равным которым он стал. Но из различных верований, обеспечивших приверженцев в римском мире, ни одному не суждено было стать столь влиятельным, как сидерической эсхатологии. Это самое чистое и возвышенное учение, которое можно поставить в заслугу древнему язычеству, и оно должно было прочно овладеть западным умом.

Мы попытаемся показать, как оно развивалось, кем и когда было распространено и какие различные формы оно принимало в греко-римском мире.

Некоторые верования, которые встречаются бок о бок со многими другими у примитивных народов, рассматривают духов умерших как отправляющихся вселяться в луну или солнце, или даже воображают, что их постоянно растущее воинство образует множество звезд или заполняет длинную трассу Млечного Пути. Эта очень древняя идея получила новое значение, когда философы, начиная с Гераклита, учили, что душа имеет ту же природу, что и эфир, который является, так сказать, душой вселенной. Точно так же, как один заставляет наши тела двигаться, другой, по их словам, заставляет звезды летать по небесным просторам. После смерти тело рассыпалось в прах и воссоединилось с землей, но пылающее дыхание, оживлявшее его, поднялось к светящейся жидкости, простиравшейся над облаками, и слилось с этим тонким воздухом, который был источником всей жизни. Официальная эпитафия афинянам, павшим при Потидее в 432 году до н.э., выражает убежденность в том, что эфир принял в свое лоно души этих героев, как земля приняла их тела. ¹

Здесь мы сталкиваемся с мнением, широко распространенным в пятом веке от одного конца эллинского мира до другого. Таким образом, в противовес взглядам гомеровской эпохи и народным верованиям, эти доктрины учили, что обитель душ - это не гробница и не нижнее царство Плутона, а верхняя зона вселенной. Некоторые, с большей точностью, сделали их спутниками звезд, божественность которых философы посвятили себя доказательству. ² Эти две идеи тесно связаны, поскольку близость богов и людей - это в высшей степени греческая идея. Некоторые мистические секты - орфические или пифагорейские - учили, что духи умерших уходят, чтобы поселиться на луне или сиять среди созвездий. Таким образом, Аристофан ³ превращает пифагорейского поэта Иону с Хиоса, друга Софокла, в утреннюю звезду. С точки зрения Платона, души, хорошо использовавшие свою жизнь, возвращаются, чтобы населить небесные тела, которые служили им жилищем до рождения, и там вкушают блаженство божественного существования.

Более того, греки, как мы видели, ⁴ задолго до этого рассказывали, как определенные герои басен были перенесены на небеса в награду за свои подвиги. Таким образом, Геркулес, Персей и Андромеда, диоскуры Кастор и Поллукс и многие другие были превращены в созвездия. "Катастрофа" образует основу ряда мифологических историй. Поэтому не казалось смелым назначать выдающимся людям того времени ту же судьбу, что и героям прошлого, и никто не видел ничего оскорбительного в предположении, что их божественные духи заняли место на небе. Астроном Конон без колебаний даже узнал там прядь волос, которую царица Береника посвятила Афродите и которая с тех пор превратилась в новое звездное скопление. Таким образом, все люди, животные и предметы, изображения которых люди якобы находили на небесном своде, имели свои легенды, которые связывали их с каким-либо мифологическим эпизодом или историческим событием.

Эти доктрины, которые таким образом постепенно распространились по классической Греции, должны были быть восприняты и преобразованы стоиками. Для учеников Зенона душа человека - это частица того божественного огня, в котором их пантеистический натурализм видел одновременно производительную силу и разум мира. Человеческий разум, частица этого вселенского разума, был задуман как дыхание, огненная эманация. Теперь звезды являются

самым ярким проявлением космического огня. Таким образом, философия Притвора поддерживала веру в то, что душа связана с небесными телами особыми отношениями, и, таким образом, стоицизм был легко примирен с астрологией. Примечательно, что эта доктрина была защищена во втором веке до нашей эры, в частности Гиппархом, который был не только одним из великих астрономов, но и убежденным адептом астрологических теорий, и, как мы видели,¹ Плиний горячо приветствует его за то, что он лучше, чем кто-либо другой, доказал, что человек связан со звездами и что наши души - "часть вселенной". с небес".

Однако чистые стоики, как мы сказали выше, хотя и полностью допускали продолжение существования этой божественной сущности, которая согревает и управляет телом, склонялись к вере, что после смерти она вновь поглощалась вселенским огнем, не сохраняя никакой индивидуальности. Но очень рано эта философия была вынуждена пойти на уступки распространенным верованиям. Некоторые из его профессоров стремились привести новые принципы, сформулированные в области физики и психологии, в соответствие с мистическими идеями, распространяемыми религиозными сектами, которые начали распространяться из Азии по греко-латинскому миру. Давайте вспомним тот факт, что Посидоний был самым активным деятелем в установлении этого синкретизма между Востоком и Западом, а его ученик Цицерон дает нам в "Сне Сципиона" самое раннее изложение этой эсхатологии в Риме: души тех, кто заслужил бессмертие, не спустятся в глубины земли, они снова поднимутся к звездным сферам. Мы еще несколько раз вернемся к этому замечательному Сну.

Ряд надписей свидетельствуют о степени распространения этой веры к первому веку до нашей эры. Существует неограниченный выбор примеров для цитирования. Так, эпитафия на девочке тринадцати лет, обнаруженной на острове Тасос¹ гласит: "В этой гробнице покоится тело юной девушки, антофорос (цветоносной) Цереры, унесенной безжалостной Судьбой. Но ее душа по доброй воле Бессмертных обитает среди звезд и занимает свое место в священном хоре благословенных". Вот латинская эпитафия,² одна из многих подобного рода: "Моя божественная душа не сойдет к теням; небеса и звезды унесли меня; земля хранит мое тело, а этот камень - пустое имя". Эпиграфика доказывает, что эти представления о будущей жизни постепенно стали преобладающими. Они становились все более и более общепринятыми в Римской империи по мере того, как восточные религии приобретали все больший авторитет, а в последние дни язычества они оказывали преобладающее влияние.

После этого краткого обзора исторического развития звездной эсхатологии мы попытаемся очертить контуры этой доктрины и показать ее разновидности.

Нам нужно будет рассмотреть четыре момента:

1. Кто обретает астральное бессмертие?
2. Как душа возносится на небеса?
3. Где находится обитель благословеннейших?

4. Как постигается блаженство, которое им даровано?

1. Кто же получает благо этого звездного бессмертия?

Представляется несомненным, что на Востоке оно поначалу предназначалось для тех монархов, которые еще на земле благодаря почитанию своих подданных были возвышены над своими собратьями и почти или полностью поставлены на один уровень с небесными силами. Следы этой примитивной концепции сохранились даже в Риме. Согласно традиции, которой вторит Манилий,¹ Природа впервые открыла свои тайны умам царей, чьи возвышенные мысли достигают вершины небес. Также преподавалась другая доктрина, что божественные души государей происходят с более высокого места, чем души других людей, что чем выше достоинство человека, тем большее приданое он получает с небес. Но, в общем, обряды, использовавшиеся для обеспечения бессмертия королям, ставя их на один уровень с богами, постепенно распространились и на важных членов их окружения. Это была своего рода привилегия посмертного дворянства, которой удостаивались великие государственные министры или которую они узурпировали задолго до того, как ее получила обычная толпа умерших. Такова идея, которую Цицерон выражает в "Сне Сципиона"²: "Всем тем, кто спас, поддержал или возвысил свое отечество, отведено определенное место на небесах, где они будут наслаждаться вечным блаженством, ибо именно с небес спустились те, кто направляет и сохраняет государства, чтобы вознестись туда вновь". Это республиканский парафраз доктрины о божественности королей. Но если бывший консул таким образом желает вознести хвалу государственным деятелям, то философы претендуют на то же самое для мудрецов, литераторы - для великих поэтов, а художники - для творческих гениев. Здесь древнегреческое поклонение героям в сочетании с верой в "катастрофу" расширяет узкую концепцию монархии. Гермес Трисмегист³ учил, что существовали разные виды царственных душ, ибо есть царственность духа, царственность искусства, царственность науки, даже царственность физической силы. Все выдающиеся люди похожи на богов, и людям не хотелось верить, что они погибли навсегда. Некоторые современные авторы разделяют это мнение. "Я верю, что персидский шах или миланский критик, - сказал Кардуччи, пострадавший от рук последнего класса, - умрет безвозвратно, и я поздравляю себя с этой верой. Но в том, что Мадзини или Данте Алигьери окончательно мертвы, я совершенно не убежден".

Среди тех героев, чьи заслуги открыли им врата рая, - "virtus recludens immersitis mori caelum", как выразился Гораций,¹ - военные монархии Востока выдвигали на первый план воинов, которые погибли с мечом в руке, защищая свою страну или, скорее, своего короля. Эта доктрина, глубоко укоренившаяся, особенно в Сирии, сохранилась, как хорошо известно, и в исламе. Но бок о бок с этими доблестными солдатами благочестивые священники также были признаны заслуживающими бессмертия, или, скорее, они сами присудили его себе. Кто может быть более достоин подняться к звездам, чем те, кто, еще находясь на земле, жил в их обществе и созерцал их? Затем, когда распространились восточные мистерии, все они утверждали, что продлевают существование посвященных после назначенного Судьбой смертного часа и освобождают их от рокового закона, наложенного на человечество. Участие в оккультных церемониях богослужения становится безошибочным средством обеспечения спасения. Боги приветствовали среди себя верующих, которые усердно служили им и очистили себя скрупулезным исполнением обрядов.

Но требования менее исключительной морали не позволяли обеспечить загробное счастье в качестве награды за сектантское благочестие. Наряду с религиозными обрядами требовалась практика более существенных человеческих добродетелей. Чистота, необходимая для спасения, которая изначально была ритуальной чистотой, теперь стала духовной. Хотя священники, несомненно, решительно настаивали на выполнении религиозных обязанностей, более философствующие теологи обращали внимание, прежде всего, на психологические условия, необходимые для вознесения на небеса. Мы указали при рассмотрении темы экстаза,² и мы вскоре вернемся к этому, - как души, огрубевшие от плотских страстей, не смогли подняться в обитель богов света. Для тех, кто не сохранил себя в чистоте на протяжении всей своей жизни, необходимо посмертное очищение.

2. Это подводит нас ко второму вопросу, который мы поставили перед собой: как души поднимались к звездам?

Можно сказать, что первоначально они использовали все способы передвижения: они возносились на небеса пешком, верхом, в экипажах и даже прибегали к авиации. У древних египтян небесный свод считался настолько близким к горам земли, что на него можно было взобраться с помощью лестницы. Хотя звезды были отнесены к . находясь на бесконечном расстоянии в пространстве, лестница все еще сохранилась в римском язычестве как амулет и как символ. Многие люди продолжали класть в гробницы маленькую бронзовую лестницу, напоминающую о наивных верованиях далеких эпох; а в мистериях Митры лестница из семи ступеней, изготовленная из семи различных металлов, все еще символизировала прохождение души через планетные сферы.

Хотя стало трудно достичь небес пешком, туда все еще можно было добраться верхом - на спине крылатого коня. Так, большая камея Париса, называемая "Апофеоз Августа", представляет принца его дома, Германика или Марцелла, которого несет "Пегас", который, несомненно, не имеет никакого отношения к коню Беллерофонта. Иногда пегасу предпочитают грифона: чудовище взлетает на небеса, неся на своей крепкой спине умершего, возведенного в ранг богов. Мертвые, однако, чаще путешествовали в машине - машине Солнца. Идея о том, что божественный возничий ведет упряжку по небесным полям, существовала в очень ранние времена в Сирии, а также в Вавилоне, Персии и Греции. Огненные кони и огненная колесница, которые вихрем унесли пророка Илию, весьма вероятно, являются конями и колесницей Солнца. Точно так же, когда миссия Митры на земле была выполнена, он был перенесен в колеснице Гелиоса в небесные сферы над океаном, и счастливый жребий, который герой завоевал для себя, он даровал и своим последователям. В частности, считалось, что императоры после смерти становятся спутниками бога Солнца, поскольку при жизни они были его протеже, и что он возносит их на своей колеснице на вершину вечных склепов.

Наконец, существует очень широко распространенное поверье сирийского происхождения о том, что души улетают на небеса на спине орла. ¹ Согласно истории, Этана в Вавилоне, как и Ганимед в Греции, были похищены таким образом. Благочестивые разделили эту счастливую долю. Вот почему орел используется в качестве обычного декоративного мотива на могильных стелах в Иераполисе, священном городе великой сирийской богини, и с тем же значением он

появляется на Западе. При погребальных обрядах императоров в Риме к верхушке погребального костра, на котором предавалось тело, всегда привязывали орла, который, как предполагалось, должен был унести душу монарха, и в искусстве часто изображаются бюсты цезарей, восседающих на орле в момент взлета, как бы предлагая их апофеоз. Причина в том, что на Востоке орел - птица ваалов, солнечных богов, и он переносит к своему хозяину тех, кто был его слугами в нижнем мире.

Все эти предполагаемые методы достижения небес очень примитивны: они исходят из предположения, что нужно нести груз; они едва ли подразумевают разделение тела и души, и они предшествуют различиям, которые философы устанавливали между различными частями человеческого существа. Это религиозные пережитки очень древних концепций, которые только вульгарные умы все еще интерпретируют буквально.

Та же идея присутствует, когда маги с помощью тайных процессов заявляют, что уверяют легковверных в возможности подняться ввысь. Если верить Арнобиусу,² они утверждали, что могут заставить крылья вырасти из спин их обманутых, чтобы они могли взлететь к звездам. Одним из чудес, которыми чаще всего хвастались торговцы чудесами, было парение в воздух. Явления левитации наблюдаются во все периоды. Сила, которую магия якобы дарует своим адептам, является лишь одним из частных применений этого искусства в эсхатологии или, скорее, в обожествлении (апатанатизме). Наиболее типичным примером этого является папирус, ошибочно названный "митраистской литургией".³

Эти механические средства вознесения себя, тела и души, к звездному своду все еще могут быть признаны суевериями, которые подхватывают все идеи, выпавшие в ходе эволюции верований. Как мы уже говорили, они возвращают нас к чрезвычайно низкой ступени религии. Поэтому теологи больше не принимали их, кроме как в качестве символов. Были разработаны другие доктрины более продвинутого характера, и они составили истинное учение великих восточных мистерий, точно так же, как они обеспечили приверженность мыслящих людей. Они связали восхождение души после смерти с физическими и этическими теориями и таким образом привели к тому, что звездное бессмертие вошло в порядок вселенной. Они либо апеллировали к солнечному притяжению, либо основывали свое учение на действительной природе души.

Пифагорейцы уже верили, что сверкающие пылинки, которые непрерывно танцевали в солнечном луче (хусмата), были душами, нисходящими из эфира на крыльях света. Они добавили, что этот луч, пройдя сквозь воздух и воду до самых ее глубин, дал жизнь всему, что находится здесь, внизу. Эта идея сохранялась при Империи в теологии мистерий. Души спускались на землю и вновь поднимались после смерти к небу благодаря лучам солнца, которые служили средством передвижения. На митраистских барельефах один из семи лучей, окружающих голову Непобедимого Солнца, непропорционально вытянут в сторону умирающего Быка, чтобы пробудить новую жизнь, которая должна зародиться в результате смерти космогонического животного. Но это древнее верование было приведено в связь с общей теорией, которой придерживались халдеи.¹ Мы видели, что в глазах астрологов человеческая душа была огненной сущностью той же природы, что и небесные огни. Сияющее солнце постоянно заставляло частицы своего блистательного шара опускаться в тела, которые он призывал к жизни. И наоборот, когда смерть растворяет элементы, из которых состоит человеческое существо, и душа покидает плотскую оболочку, в которой она была заключена,

солнце снова привлекает ее к себе. Точно так же, как его пламенный жар заставляет все материальные субстанции подниматься с земли, он снова притягивает к нему невидимую сущность, обитающую в нас. Он - Анагугеус, "тот, кто поднимает снизу", кто извлекает дух из плоти, которая оскверняет ее. Посредством серии излучений и поглощений он, в свою очередь, посылает свои жгучие эманации в тела при рождении, а после смерти заставляет их вновь возвращаться в его лоно.

Согласно этой теории, вознесение души происходит благодаря силе солнца, великого космического божества. Согласно другой доктрине, упомянутой выше, которую мы сейчас рассмотрим более внимательно, причиной этого вознесения является физическая природа души.

Эта доктрина с большой точностью изложена Цицероном в "Тускуланских диспутах",¹ несомненно, после Посидония. Душа - это огненное дыхание (*anima inflammata*), то есть ее субстанция - самая легкая в этой вселенной, состоящая из четырех элементов. Следовательно, он обязательно имеет тенденцию подниматься, поскольку он теплее и тоньше, чем грубый и плотный воздух, который окружает землю. Тем легче будет разорвать эту тяжелую атмосферу, поскольку ничто не движется быстрее духа. Следовательно, в своем непрерывном восхождении он должен пройти через ту зону неба, где собираются облака и идет дождь и где господствуют ветры, которые из-за испарений с земли становятся влажными и туманными. Когда, наконец, он достигает пространств, заполненных разреженным и прогретым солнцем воздухом, он обнаруживает элементы, подобные своему собственному веществу, и, перестав подниматься, поддерживается в равновесии. Отныне оно обитает в этих регионах, которые являются его естественным домом, постоянно оживляемое теми же принципами, которые питают вечное пламя звезд.

Эта теория позволила легче, чем предыдущая, установить прочную связь между этическими представлениями о будущей судьбе и физическими теориями о строении вселенной и природе человека. Мы видели², что добродетель была задумана как освобождение от власти плоти; душа никогда не бывает чисто духовной или нематериальной, но когда она предается страстям, она становится грубой, ее субстанция становится более телесной, если можно так выразиться, и тогда она становится слишком тяжелой, чтобы подняться к звездам и достичь сфер света. Сама его плотность заставит его парить в нашей мефитовой атмосфере до тех пор, пока он не очистится и, следовательно, не станет светлее. Таким образом, дверь открыта для всех доктрин, касающихся загробного наказания. Как язычники представляли себе это Чистилище, расположенное в воздухе?

Существует очень старое мнение, что душа - это дыхание и что в тот момент, когда она выходит изо рта умирающего человека, ее уносит ветер. Таким образом, атмосфера была наполнена блуждающими душами, которые стали демонами, способными помогать смертным или причинять им вред. Происхождение этих верований восходит к самому примитивному анимизму. Но мистерии привнесли в них идею очищения. Души, уносимые вихрями, освобождаются от загрязнений, накопившихся при жизни, подобно тому, как белье, развешанное в воздухе, отбеливается и теряет всякий запах. Когда после таких ударов и развеивания ветрами души очищаются от части своих грехов, они поднимаются в зону облаков, где промокаются дождем и погружаются в залив верхних вод. Очищенные таким образом от загрязнявших их пятен, они достигают, наконец, небесных огней, чей жар опалает их. Только

после того, как они пройдут это тройное испытание, в течение которого они прошли через бесчисленные годы жестокого искупления, они обретут, наконец, вечный покой в безмятежности эфира.

Вергилий ссылается на эту доктрину в знаменитой строке шестой книги "Энеиды", [1](#), где, говоря о душах, он говорит:

Aliae panduntur inanes
Suspensae ad ventos, aliis sub gurgite vasto
Infectum eluitur scelus aut exuritur igni.

Опять же, прохождение душ сквозь стихии символически изображено на надгробном памятнике, почти современном поэту. Над портретом покойного первыми на разворотах этого киппа появляются два бюста Ветров, обращенных друг к другу. Выше, на архитраве, изображены два тритона и два дельфина, которые, очевидно, олицетворяют идею водной стихии. Наконец, на вершине камня, на фронтоне, мы видим двух львов, которые, как и на митраистских памятниках, являются символами огня, магматического начала. [2](#)

Наряду с физическими представлениями всегда сохраняли свое влияние мифологические верования. Различные секты заявляли, что обеспечивают умершему проход через эти регионы, населенные злобными демонами: они обучали своих членов молитвам, которые могли бы умиротворить враждебные силы; они инструктировали их формулами, состоящими из настоящих "паролей", которые должны были заставить комендантов (arxontes), поставленных охранять небесные врата, позволить им войти в высшую сферу. Вот наследие древних религий Востока. Египетская книга мертвых - настоящий путеводитель по потустороннему миру, и орфические таблички Петилии носят тот же характер. Парижский папирус, называемый митраистской литургией, дает нам наиболее характерный пример использования этих магических процессов.

Но чаще всего священники заявляли, что дают душе бога, который ведет ее в опасном путешествии сквозь вихри воздуха, воды и огня к звездным небесам. "Среди мертвых, - гласит надгробная надпись, [1](#) "есть два отряда: один движется по земле, другой в эфире среди звездных хоров; я принадлежу к последним, ибо обрел бога в качестве своего проводника". Этот божественный проводник душ часто носит имя Гермеса в соответствии с древней греческой мифологией. Эпиграмма, относящаяся к первому веку нашей эры, обращается к умершему такими словами: "Гермес с крылатыми ногами, взяв тебя за руку, привел тебя на Олимп и заставил сиять среди звезд". [2](#) Но чаще роль сопровождения теперь ложится на само Солнце: мы видели [3](#), что в конце язычества царственная звезда изображалась как перевозящая смертных в своей летающей колеснице. Те, кто своим благочестием не заслужил защиты бога, чьей обязанностью было сопровождать и знакомить их, и кто, тем не менее, отважился подняться на небеса, были брошены головой в вечно бушующую пропасть враждующих стихий, которые непрестанно сражались вокруг земли.

3. Низшая из семи планетных сфер, сфера луны, отделяет область жестоких и беспокойных стихий и существ, подвластных судьбе, от области вечных богов, где все является порядком и регулярностью. Что происходит с душами, которые попадают в эту небесную зону, и где они находятся? Другими словами, где находится обитель благословенных? - третий вопрос, который мы должны рассмотреть.

Массы не пришли к очень точным представлениям по этому поводу: они колебались, они довольствовались общим утверждением, что душа находится "среди звезд". В начале своих стихотворений Лукан, обращаясь к Нерону, и Статий, обращаясь к Домициану, оба спрашивали, в какой части небес будут жить эти императоры после своего апофеоза¹: Сядут ли они на пылающую колесницу Солнца? займут ли они свое место в качестве новых звезд среди созвездий? Или даже сам Юпитер на высоте небес уступит им свой скипетр? Точно так же богословы сомневались в том, где разместить Елисейские поля. Стоики уже решительно заявляли, что они расположены не в глубинах земли, как верили древние греки. В соответствии с их системой физических интерпретаций мифологических имен, Ахерон стал в их глазах воздухом, Тартар и Пирифлегетон - зонами огня и града. Что касается Елисейских полей, то оказывается, что они расположены иногда на Луне, иногда между Луной и солнцем, иногда в сфере неподвижных звезд и особенно в Млечном Пути, иногда за пределами этой крайней сферы небес, за пределами мира. Среди различных доктрин есть две, о которых мы располагаем более точной информацией от древних авторов. Один из них изложен Плутархом в честь Деметрия Тарсского²: это сочетание идей Посидония с религиозными верованиями мистерий. Согласно этой доктрине, человек состоит из тела (suma), питающей души (psyche) и разума (nous). Тело сделано из земли; жизненный принцип, который питает его и заставляет расти, лунный; разум приходит к нам от солнца. Смерть отделяет от тела питательную душу и разумную душу; первая растворяется в луне, последняя в конечном счете, после полного очищения, возвращается к своему первоначальному источнику, источнику всего света.

Это учение было принято теми, кто считал Солнце главным богом. Но когда, как мы объяснили,¹ язычество отказалось от взгляда, что Солнце является владыкой мира, Первопричиной, и поместило Высшее Существо за пределы чувственного мира, возведя его на престол над планетарными сферами в высочайшем из небес, обитель благословенных естественным образом была перенесена в обитель божественности; и теория, более сложная, чем теория солнечной бессмертия, но, несомненно, лишь его разновидность, восторжествовало к концу Римской империи.

Эта психология, обязанная своим триумфом астрологическим культам Азии, утверждала, что устанавливает семичленное разделение души, которому соответствуют семь творений. Она учила, что наша душа нисходит с высоты небес в этот подлунный мир, проходя через врата планетных сфер, и таким образом при своем рождении душа приобретает расположения и качества, свойственные каждой из этих звезд. После смерти он возвращается в свой небесный дом тем же путем. Затем, пересекая зоны неба, расположенные одна над другой, оно сбрасывает с себя страсти и способности, которые приобрело во время своего нисхождения на землю, как с одежды. Луне он передает свою жизненную и пищевую энергию, Меркурию - свою алчность, Венере - свои любовные желания, солнцу - свои интеллектуальные способности, Марсу - свой воинственный пыл, Юпитеру - свои честолюбивые мечты, Сатурну - свои склонности к лени. Оно обнажено, лишено всякой чувствительности, когда достигает восьмого

неба, чтобы наслаждаться там, как возвышенная сущность, в вечном свете, где живут боги, блаженством без конца.

Таким образом, все эти доктрины, несмотря на различия в деталях, учили, что души, нисходящие из высшего света, возносятся в область звезд, где они вечно пребывают с этими лучезарными божествами. Эта эсхатология "халдейского" происхождения постепенно вытеснила все остальные при Империи. Елисейские поля, которые не только древние греки, но и последователи Исиды и Сераписа все еще находили в глубинах земли, были перенесены в эфир, пронизывающий звезды, и подземный мир стал отныне мрачной обителью злонамеренных духов. Эта концепция, новинка в Европе, долгое время была концепцией персидского дуализма, который мистерии Митры привнесли на Запад. Их теология систематически противопоставляет адскую тьму, в которую погружены демоны и нечестивцы, светлым обителям богов и избранных.

4. Прежде чем завершить эту лекцию, нам нужно рассмотреть еще четвертый вопрос: какое представление было сформировано о блаженстве, уготованном избранным, вознесшимся к звездам?

Мы видели (стр. 95), что мистерии Вакха и фракийский орфизм представляли бессмертие как своего рода священное опьянение: верующие, разделяя пиршество богов, вечно радовались вместе с ними на пиршестве, щедро облитых вином. Эти верования сочетались со звездной эсхатологией, только место трапезы было перенесено на новый Олимп, а идея небесного пиршества должна была сохраниться до конца язычества и навязать себя, во всяком случае, как символ, даже христианству.

Но Платон уже высмеивал тех, кто считал непрерывное употребление вина высшей наградой за добродетель, а автор "Эпиномиды" уже понимал вечную жизнь как созерцание самых прекрасных вещей, которые только может воспринять глаз, то есть созвездий. Эта идея была развита в звездных культах, и Посидонию предстояло изложить величественным языком, как созерцание неба и изучение звезд является подготовкой к другому существованию, в котором человеческий разум познает полноту возвышенной радости, которую мимолетный экстаз вызывает у него здесь, на земле. Как только душа освободится от оков плоти, она воспарит в эти возвышенные сферы, куда до сих пор не могла вырваться, за исключением редких случаев. Пролетев через необъятность космоса, он вновь поднимется к звездам, с которых спустился. Охватывая своим взором всю окружность мира, он будет воспринимать наш земной шар как едва различимую точку или как муравейник, за господство над которым борется множество мельчайших насекомых. Эта земля, замерзшая на севере, выжженная на юге, со всех сторон затопленная океаном, пересеченная пустынями, опустошенная и оскверненная, непригодна для жизни, за исключением некоторых мест. Каким презренным покажется душе теснота ее прежнего жилища, какими пустыми окажутся амбиции тех, кто не мечтает ни о каком другом бессмертии, кроме славы в этом конечном царстве! Как только разум достигает звездных сфер, он получает питание и расширяется; в своем бывшем доме он вновь обретает свои первоначальные качества; он радуется среди божественных звезд; он созерцает всю славу ярких небес, и в то же время он восхищен гармоничными звуками чарующей музыки,

великолепным мировым концертом, создаваемым гармоничным движением сфер. Освобожденный от телесных страстей, он сможет полностью отдаться своему ненасытному стремлению к знаниям. Восхищаясь звездными вращениями, оно настроится на их понимание; его более острое зрение позволит ему обнаружить причины всех явлений, и оно получит полное раскрытие всех тайн Природы, то есть Бога.

Доктрина звездного бессмертия, безусловно, является самой возвышенной из всех, которые были придуманы античностью. Именно на этой окончательной формуле язычество остановилось. Этой вере не суждено было полностью погибнуть вместе с ним; и даже после того, как звезды были лишены своей божественности, она в какой-то степени пережила теологию, которая ее создала. Если бы я уже не злоупотреблял вашим терпением, было бы интересно присоединиться к вам в поиске пережитков этих языческих догматов в Средние века и показать формы, которые они приняли в популярном вероучении и среди богословов. В целом, души продолжали представляться проходящими через небесные сферы, чтобы достичь обители Всевышнего. Могу ли я напомнить вам, что Данте все еще вдохновлялся этими древнейшими астрологическими концепциями? Его Рай показывает нам блаженных, которые практиковали добродетели, присущие каждой из планет, населяющих сферы этих семи блуждающих звезд. Чтобы разрушить эти старые эсхатологические идеи, Копернику и Галилею было необходимо ниспровергнуть систему Птолемея и низвергнуть небеса, населенные яркими существами, и таким образом открыть воображению бесконечные пространства безграничной вселенной.

Сноски

ix:1 Этот курс не был опубликован Комитетом, но войдет в состав проф. Книга Джексона о религии Персии из серии "Справочники по истории религий", отредактированная профессором. Моррис Джастроу-младший и опубликованная господами Джастроу. Гинн & Company, в Бостон. Профессор Объем Jastrow является, таким образом, восьмой в серии. Профессор Лекции де Гроот еще не опубликован, но появится в 1912 году. Профессор. Таким образом, книга Кумона является девятой в серии.

xii:1 "Rêveries absurdes . . . une des faiblesses qui ont le plus déshonoré l'esprit humain."

xv:1 См. Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum (опубликовано десять томов), Брюссель, 1893-1911.

xv:2 See Franz Boll, Zur Erforschung der antiken Astrologie (Neue Jahrbücher f. d. Klass. Altertum), xxi (1903).

4:1 См., например, Fries, Studien zur Odyssee (Mitt. Восточн. Gesellschaft), 1910.

4:2 Материалы Третьего Международного конгресса по истории религий. Оксфорд, 1908, i, стр. 234; ср. Джастроу, "Религия вавилонян и ассирийцев", ii (1910), стр. 432.

5:1 Смотрите ниже, Лекция II, [стр. 34](#).

5:2 Ястроу, l.c., стр. 236.- С тех пор, как была написана эта лекция, Карлом Безольдом, Астрономом Химмельшай и Астроллером из Вавилонии (Sitzungsb. Akad. Heidelberg, 1911, Abh. No. 2).

6:1 Ф. Х. Куглер, С. Дж., "Вавилонский Мондрехнунг", 1900, и "Штернкунде и Стерндиенс в Вавилоне", 1907-1909 (продолжается). Четкое и компетентное резюме исследований Куглера было дано Скиапарелли; см. Ниже, [стр. 13](#).

7:1 Одно из этих затмений отмечено как в "Альмагесте" Птолемея, так и в клинописной табличке, см. Boll, в настоящей энциклопедии Паули-Виссовой, s. v. "Finsternisse", col. 2354.

10:1 Смотрите ниже, Лекция II, [стр. 26](#), о цикле Метона.

13:1 Скиапарелли, "Истоки и прогресс астрономической прессы и Вавилонии" (Дополнение к "Scientia", Rivista di Scienza, iii), Болонья, 1908, стр. 22.

14:1 Ястроу, "Религия вавилонян и ассирийцев", ii, стр. 432.

14:2 Ястроу, указ. соч., ii, стр. 455.

16:1 Ястроу, l.c.

16:2 Смотрите ниже, Лекция II, [стр. 28](#).

16:3 Квинта. Curtius, v, 1, 22.

17:1 Диодор. Sic., ii, 29--31; Philo, De Migr. Abrah., 32; Quis Rerum div. Вот сидят, 20 и т.д.

20:1 Смотрите ниже, Лекция II, [стр. 31](#).

21:1 Смотрите ниже, лекцию VI.

25:1 Гнумун, Ирод., ii, 109.

26:1 Куглер, Им Баннкрайз Бабельс, 1910, стр. 116 ss. Смотрите другие доказательства в моей статье "Вавилон и древняя астрология" (Neue Jahrb. f. das klass. Altertum, xxvii), (1911), 1 ss.

26:2 "Золотое число" церковного календаря указывает номер любого года в девятнадцатилетнем цикле, который завершает фазы луны в одни и те же даты. Таким образом, даты этих фаз в любом году такие же, как и в другие годы, которые имеют то же "Золотое число".

28:1 Дильс, Греческие доксографии, стр. 344, 16 = Фрагмент. der Vorsokratiker, p. 366, 22.

28:2 Plin., Nat. История, ii, 36.

28:3 Ястроу, Ассириологическое ревю, vii, 1910, ss. стр. 163

29:1 На самом деле, некоторые переписчики, не понимая значения этого отождествления, вставили в качестве исправления "Кроноса", но чтение лучших рукописей является Элиой, а не Кроной, как заметил Бидез, Преподобный Филол., xxix (1905), стр. 319.

29:2 Academicorum Phil. Ind. Геркулес., изд. Меклер, стр. 13, кол. iii, 36.

30:1 Франц Болль, Neue Jahrb. für das klass. Altertum, xxi (1908), p. 119.

31:1 Cic., De Div., ii, 42, 87.

31:2 Прокл., В Тим., iii, 151, 1 (Diehl). О переводе Теофрастом "Сказания об Акичаре" см. Ниже, стр. 38.

33:1 Безольд и Болл, Астрологический анализ. Keilinschriften bei Griechischen Schriftstellern (Abhandl. Akad. Heidelberg), 1911.

34:1 Смотрите выше, Лекция I, стр. 3.

34:2 Смотрите мою статью "Вавилон и смерть". Астрон., стр. 6 сб., где тексты приведены полностью.

35:1 Смотрите выше, Лекция I, стр. 9.

35:2 Птол., Синтаксис., v, 14; iv, 8, 11.

36:1 Длительности, рассчитанные современными астрономами, следующие:

(1) 29 дней 12 часов 44 фута 2,9 дюйма

(2) 27 " 7 " 43' 11.5°

(3) 27 " 13 " 18' 39.3"

(4) 27 " 5 " 5' 36"

36:2 Strab., xvi, 1, 6, стр. 639 С.

36:3 Plin., Nat. История, 39.

36:4 Ветт. Вал., Антхол., ix, стр. 353, 22, изд. Кролл.

Опубликовано 36:5, Кат. Codd. Astr. VIII, часть II, стр. 125.

37:1 Куглер, Им Баннкрайз Бабельс, 1910, стр. 122.

38:1 Diels, Orientalische Fabeln im Griechischen Gewande (Internation. Wochenschrift f. Висс., 6 августа 1910 г.).

38:2 Манил., i, 54.

39:1 Страб., xvi, 1, 6.

40:1 Смотрите ниже, Лекция III, стр. 47.

40:2 Plin., Nat. История, ii, 26, 95.

41:1 Смотрите ниже, Лекцию V.

41:2 Strab., xvi, t, 5: Eremia megale 'stin e Megale polis.

45:1 Смотрите "Мои восточные религии", стр. 127 сс.

46:1 Смотрите ниже, лекция IV, стр. 69 кв.

46:2 Диодор, Sic., ii, 31.

46:3 Хуманн и Пухштейн, Рейзе в Северной Сирии и Кляйн Азъен, Берлин, 1890, стр. XL.

47:1 Смотрите выше, Лекция II, [стр. 40](#).

49:1 Гардхаузен, Август и seine Zeit, стр. 1131.

50:1 См. F. Boll, Sphaera, Лейпциг, 1903.

51:1 Восточные религии в римском язычестве, Чикаго (издательство Open Court Publishing Company), 1911.

51:2 Корп. Inscr. Лат., v, 5893.

53:1 Логия Халдейки.

57:1 Capelle, Die Schrift von der Welt, Leipzig, 1895, p. 6 [534], n. 4. "Contemplatorem caeli." "Oy monon theaten alla kai exegeten".

58:1 Cic., Nat. Deorum, ii, 21, § 56.

58:2 Смотрите выше, Лекция II, [стр. 23](#).

58:3 Смотрите выше, Лекция I, [стр. 18](#).

60:1 Манил., Астрон., 495 кв.

60:2 Cic., Nat. Deor., ii, 63 (=Zenon. fr. 165 von Arnim).

61:1 Смотрите выше, Лекция I, [стр. 19](#).

61:2 Прокл, В Тимее, 248 д.

62:1 Смотрите выше, Лекция I, [стр. 18](#); II, [стр. 29](#).

63:1 Религии востока, 2-е издание, Париж, 1909, стр. 375, № 80 (англ. перевод, стр. 258, № 80).

64:1 Cicer., Сомн. Scipionis, с. 4.

65:1 Смотрите выше, Лекция I, [стр. 11](#).

66:1 Буше-Леклерк, Греческая астрология, стр. 131.

67:1 Смотрите ниже, Лекция V, [стр. 91](#).

67:2 Смотрите Лекцию V, [стр. 90](#).

69:1 Смотрите мою статью "Теология религии язычества романа" (Память. Акад. Inscr., xii). Париж, 1909.

69:2 Ренан, Философские диалоги и фрагменты, 1876, стр. 168.

71:1 Смотрите выше, эту лекцию, [стр. 66](#).

73:1 Plin., Nat. История, ii, 5, § 13.

73:2 Cic., Сомн. Scip., 4.

73:3 Смотрите ниже, Лекция VI, [стр. 103](#).

74:1 Смотрите выше, лекция IV, [стр. 55](#).

77:1 Смотрите мою статью "Мистицизм астрального в античном мире" (Бюллетени Академии). royale de Belgique), Mai, 1909.

78:1 "Вечное молчание в бесконечных пространствах любви". (Паскаль, Пенсне.)

78:2 Сенека, Де Бенефисис, iv, 23.

79:1 Манил., v, 742:

Cui si pro numero vires natura dedisset,
Ipse suas aether flammās sufferre nequiret,
Totus et accenso mundus flagraret Olympo.

79:2 Смотрите выше, Лекция IV, [стр. 57](#).

79:3 Смотрите выше, Лекции I, [стр. 20](#); II, [стр. 40](#); IV, [стр. 73](#).

81:1 Антхол. Палат., ix, 577.

81:2 Нефалиос мете (Филон).

82:1 Сенека., Суасор., 4.

82:2 Манилий, iv, 407.

83:1 Клеомед, Циркуляр Де Моту, ii, 1, § 87.

84:1 Смотрите выше, Лекция I, [стр. 17](#).

85:1 Смотрите выше, Лекция II, [стр. 40](#).

85:2 Манил., iv, 14.

86:1 Сенека, Де Провид., v, 5.

86:2 Сенека, Квази. Nat., ii, 35, "Aegrae mentis solacia."

86:3 Светоний, Вита Тиб., 69.

86:4 Веттий Валент, v, 9 (стр. 220, 28 изд., Кролл).

87:1 Алекс. Aphrod., De Anima Mantissa, p. 182, 18 ed. Брунс.

87:2 Смотрите выше, Лекция I., [стр. 18](#).

88:1 Смотрите ниже, Лекция VI, [стр. 100](#) сс.

89:1 Молчаливый., История., iii, 24.

91:1 Смотри выше, Лекция IV, стр. 67.

93:1 Lucret., III, 37:

Et metus, ille foras praeceps Acheruntis agendus
Funditus humanam qui vitam turbat ab imo.

94:1 Антикварные стихи "Dies Irae".

94:2

О божественная Смерть, по чьему призыву
все
Возвращается, Чтобы исчезнуть в твоих объятиях,
Прижми своих детей к своей груди, увенчанной звездами,
Освободи нас от времени, от числа и от пространства,
И верни нам покой, который омрачила жизнь.

94:3 Плиний, Нац. История, vii, 55, § 188.

96:1 Corp. Инкр. Атт., i, 442: Оба человека психи, как и прежде, суматошны в хтуне.

96:2 Смотрите выше, Лекция II, стр. 23 кв.

96:3 Аристофан, Чел., 831.

96:4 Смотрите выше, Лекция IV, стр. 65.

97:1 Смотрите выше, Лекция II, стр. 40.

98:1 Кайбель, Эпигр. Гр., 324.

98:2 Бюхелер, Кармина Эпигр., 611.

99:1 Манил., i, 41.

99:2 Cic., Сомн. Scip., с. 3.

99:3 Герм. Тризм. ап. Stobaeum, Ecl., p. 466, Wachsmuth.

100:1 Гораций, Оды, iii, 2, 21.

100:2 Смотрите выше, Лекция V, стр. 83.

102:1 Для получения дополнительной информации см. Мою статью "Египетские похороны сирийцев и апофеоз императоров" (Revue de l'histoire des religions), 1910.

102:2 Arnob., Adv. Nat., ii, 33, 62 (стр. 65, 5; 97, 27, Reifferscheid).

102:3 Дитрих, "Книга о Митраслитургии", 1910, "Сравните мои восточные религии" (1911), стр. 260.

103:1 Смотрите выше, Лекция IV, стр. 73 ss.

104:1 Tusc. Дисп., i, 43, § 18.

104:2 См. выше, [стр. 100](#), и Лекцию V, [стр. 83](#).

105:1 Вергилий, Эн., vi, 740.

105:2 Jahresb. Инст. Wien, xii (1910), p. 213.

106:1 Кайбель, Эпиграмма. Græca, 650.

106:2 Оссуль, Филологическое обозрение, 1909, стр. 6.

106:3 См. выше, [стр. 101](#).

107:1 Лукан, i, 45 сс. Статуя, Фиваида, i, 22.

107:2 Plut., De Facie in Orbe Lunae, с. 26; ср. "Моя теология солнца", стр. 464, 475.

108:1 Смотри выше, Лекция IV, стр. 75.